

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

ЙОРГЕН

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ ТОВАРИЩ АТАМАН

ИСТОРИЯ РОССИИ ПОЙДЕТ ПО ДРУГОМУ СЦЕНАРИЮ!

Фантастический боевик. Новая эра

Йорген Йорген

Ваше благородие товарищ атаман

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Йорген Й.

Ваше благородие товарищ атаман / Й. Йорген — «Издательство АСТ», 2021 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-146372-4

16-летние братья-близнецы в Днепропетровске отправляются искать клад батьки Махно, но в подземном коллекторе из 2019 года внезапно проваливаются в прошлое – в 1919 год. После ряда приключений они попадают в Первую повстанческую армию Нестора Махно, который в это самое время раздумывает, присоединиться ли ему к большевикам. Попаданцы из будущего помогают знаменитому анархисту сделать правильный выбор. История России получила возможность пойти совсем по другому сценарию.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-146372-4

© Йорген Й., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава первая. Клад батьки Махно	6
Глава вторая. Неожиданное нападение	10
Глава третья. Прыжок назад длиной в сто лет	14
Глава четвертая. Тюрьма и воля	19
Глава пятая. Куда уехал цирк?	25
Глава шестая. Переиграть гражданскую войну	29
Глава седьмая. Плен	33
Глава восьмая. Господа товарищи	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Йорген
Корона Российской республики.
Ваше благородие товарищ атаман

© Йорген, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава первая. Клад батьки Махно

В подземелье было не просто сыро – там было отвратительно сыро. Нет, не так – там было мерзко и сыро. И дело даже не в сырости. (А как ещё должно быть в ливнёвом коллекторе?) Просто всё дело в запахах! Коллектор был старый, но, тем не менее, исправно работавший. В него встроили систему водоотвода дождевой и талой воды с дорожных покрытий, территорий и крыш промышленных и частных строений всего города. Понятное дело, в этот коллектор врезали не только ливнёвку, но и канализационные трубы. Так что запахи были соответствующие. Как говорится, «хорошо в краю родном, пахнет сеном и говном...» Хотя сеном как раз и не пахло. А к канализационной вони примешивались ещё какие-то оттенки, как будто совсем недавно в этом тоннеле полегло немало народу, а с ними погибли полчища крыс, котов, собак и ещё много всякой живности. И все они куда-то были спрятаны. Но вот запах после них спрятать не удалось...

– Долго ещё мы будем здесь бродить? – прокричал зло Сергей, снова чуть не нырнув в какую-то очередную яму, которую в мутной воде, точнее, в мутных канализационных стоках, угадать было совершенно нереально.

Александр в этот момент подсвечивал себе вторым фонариком карту и не ответил. Его налобный фонарик «Циклоп», казалось, задышался от смрада, который окружал дигтеров, и часто-часто моргал.

– Саня, ну сколько можно? Мы тут уже три часа бродим. Пора и перекур сделать! – Сергей подошёл к брату и толкнул его в плечо.

– Перекур? Тебе мало ароматов? Или ты запахом табака хочешь заглушить это амбрэ? – Александр посмотрел на Сергея и улыбнулся. – Ты, кстати, противогаз доставай, я уже понял, куда мы зашли, надо чуть назад и влево, а там грязи по пояс будет. Мы как раз от Короленко перейдём ближе к Днепру, прямо к Серова.

– То есть когда дерьмо по колено, это ещё нормалёк, надо, чтобы по шею было? – Сергею улыбаться почему-то не хотелось.

В отличие от своего брата-близнеца Сашки, он не был всегда таким серьёзным. Разве можно быть таким? Стоит, пялится на тебя, лицо каменное, а потом чего-то как скажет... Поэтому Сергей часто не понимал, когда брат шутит, а когда говорит по делу. Тем более если дело касалось каких-то очень важных вещей...

Саша и Сергей Юрьевские, закончив школу, решили поступать в Днепропетровский государственный университет на исторический факультет. Только Саша решил стать историком и заниматься научными исследованиями, а вот его брата манила к себе археология. Сергей обожал возиться со всякими древностями, постоянно собирал разные коллекции, причём с военным уклоном – то ножи коллекционировал, то погоны и шевроны всех армий мира. При этом он связался с поисковиками и лазил с ними по раскопам, после чего приносил домой всякое эхо войны – от фляги или россыпи патронов до ржавого штыка или немецкой каски. А однажды притащил целый пулемёт Максима, правда, без лафета и бронешитка. Просто откопал – в буквальном смысле слова – ствол пулемета где-то и притащил домой. Хорошо ещё, что отец у братьев работал в милиции (сначала опером, но потом дорос до заместителя начальника городского управления), а то все те ножи, патроны и прочие «железяки», которые неугомонный Серёга притаскивал домой и которые в Уголовном кодексе трактовались как оружие, довели бы его до вполне реальной уголовной статьи.

В общем, несмотря на поразительное внешнее сходство, братья были совершенно разными по характеру – спокойный и рассудительный Александр и взбалмошный непоседа Сергей. Даже удивительно, что их интересы сошлись на истории – просто оба любили читать.

Причём в первую очередь братья читали книги о приключениях, а уже потом доросли до исторических романов. И вот от Мориса Дрюона, Проспера Мериме, Александра Дюма, Виктора Гюго, Генрика Сенкевича и Вальтера Скотта братья перешли к мемуарам и воспоминаниям тех исторических персон, которые не сочиняли, не придумывали, а писали о том, что пережили.

Именно Саша, который был более усидчивым, нежели его брат, раскопал изданные в 1936 году в Париже мемуары Нестора Махно, в которых и наткнулся на одно очень интересное воспоминание знаменитого атамана. В потоке теоретических рассуждений Нестора Ивановича о революции, анархизме, войне, а также среди его живых и ярких описаний боевых действий и своих соратников Саша внезапно прочитал какие-то намеки о некоей казне атамана Григорьева. Нестор Иванович писал, что после того, как части Красной армии выбили Григорьева из Екатеринослава, его хлопцам пришлось спрятать казну атамана в подземном тоннеле. Одним словом, Саша Юрьевский ухватился за это воспоминание Нестора Ивановича и стал дальше копать в данном направлении. Естественно, своими мыслями он поделился с братом. Тот также заинтересовался кладом.

Но поскольку Сергей был и так одержим кладоискательством – оттого вечно пропадал на различных раскопках, – его больше интересовала практическая сторона дела. Вначале он усомнился в достоверности полученной Александром информации. Раскладывая у себя дома на столе карты и архивные записи, которые ушлый Саня притащил из городской библиотеки, где рылся в архивах, братья отчаянно спорили.

– Да я тоже что-то помню. Просто сам Махно в своих воспоминаниях упоминал про казну атамана Григорьева как-то вскользь. Ведь никто нигде не писал, что Махно приказал спрятать казну атамана в подземном тоннеле, – Сергей вопросительно посмотрел на брата.

– Ещё бы! Кто ж про такое напишет? – Саша рассмеялся. – Ты чего опять начинаешь? Я же тебе всё рассказал.

– Да вот в том-то и дело, что только рассказал! – с досадой ответил Сергей. – Где гарантия того, что вообще этот клад существует? Какой смысл было прятать эту григорьевскую казну, да ещё в коллекторе? За столько лет там столько воды утекло в прямом и переносном смысле. И не только воды! Там дерьма по колено, а коллектор тот заброшен давно.

Саша пожал плечами.

– Вот именно! На то и расчёт был, что не полезет в коллектор никто. А смысл какой был спрятать эту казну? Да самый прямой! Видимо, Махно не хотел делиться с большевиками григорьевским золотом. А может, не хотел открыто присваивать его себе. Ведь Григорьев со своими бандитами постоянно устраивал еврейские погромы. Ты же помнишь, как Батяка протестовал против этих выходов атамана. В Гуляй-Поле евреи как раз входили в первые отряды самообороны. Да и среди его соратников полно было евреев, тот же Лёва Задов...

– Саня, какой Лёва Задов? Что ты байки повторяешь? А ещё будущий историк. Лёва Зиньковский! Точнее, Лев Николаевич Юдкович, он же Лейб бен Иехуда Зодов. Был бы у Махно начальником контрразведки человек с фамилией Задов, щас! – Сергей от возмущения даже повысил на брата голос.

– Ладно, не кипятись, я по привычке. Недавно фильм посмотрел. Толстой вот увековечил соратника Махно... Кстати, он не контрразведку возглавлял, а разведку. Наврали и Толстой, и режиссёры.

– А ты какой фильм смотрел? Рошалья? Или этот дурацкий современный сериал, который россияне сняли? – Сергей саркастически улыбнулся.

– Нет, я эти новоделы не смотрю, я как глянул первую серию этого, так сказать, сериала, так и выключил сразу. Я советский фильм семьдесят седьмого года посмотрел, режиссера Ордынского, с Ножкиным и Соломиным в главных ролях. Вот там всё более-менее по правде. Кроме Махно и его заместителя, конечно. Вот там наврали!

Тут Саша прервал сам себя и стукнул кулаком по столу.

– Блин, снова ты меня отвлѣк. Мы о чем с тобой говорим? Об исторической правде! Так вот, евреев у Махно полно было. Кроме Зиньковского главный идеолог анархизма у него был Всеволод Волин, он же Эйхенбаум, председатель Гуляйпольского совета Павел Коган. Так что присваивать себе золото с еврейских погромов Махно было явно не комильфо. – Саша снова развернул на столе карту и стал листать документы.

– Короче, вот карта, я там пометки сделал. Вот воспоминания соратника Махно Петра Аршинова «История махновского движения». А вот книга члена махновского культпросвет-отдела Михаила Топера, где он упоминает о взятии Екатеринослава Красной армией. И там Топер как раз пишет об исчезновении казны атамана Григорьева. Так что давай собирать факты и наносить все упоминания о кладе на карту.

...Саша ещё раз подсветил карту, на этот раз для Сергея.

– Серый, смотри. От улицы Воскресенской дальше стоки выходят на угол улицы Короленко и поворачивают на Московскую. Мы уже это место прошли. Конечная точка – набережная Днепра. Туда и впадает ливнёвка. То есть нам надо пройти до Серова. И там должно быть небольшое ответвление. Ты помнишь, в своих воспоминаниях Махно точно место не указывает, а только вскользь упоминает, что поручил это дело своему соратнику Семёну Каретникову.

– Да помню я, помню. И Топер писал, что Каретников исполнял наиболее деликатные поручения Махно. Кстати, именно он в июле 1919 года застрелил атамана Григорьева. Наверное, не просто так. Ладно, чего лясы точить, пошли. – Сергей взял фонарик у брата, и пока тот сворачивал и прятал карту, пошёл назад.

Пройдя метров пятьдесят, братья свернули в одно из ответвлений старого коллектора, на которое они раньше не обратили внимание. Ещё бы, центральный коллектор был огромным тоннелем, и хотя кладоискателям пришлось брести по колено, а иногда и по пояс в воде, фонарики хорошо освещали путь. К тому же не нависал потолок, ибо до него было метров пять – предки всё строили на совесть, с размахом. А вот небольшой тоннель, уходящий влево, был довольно узким и в высоту достигал едва ли двух метров.

– Блин, мы там еле протиснемся, забито все мусором, – ругнулся Сергей. – Надо было лопаты с собой брать.

– Ничего, сейчас уже середина мая, основной мусор дожди смыли. Пролезем, – успокоил брата Саша.

– Так это центральный подземный тоннель очистился от мусора. А мы сейчас свернули на ветку, которая идет к Серова. Сам смотри, здесь всякого говна полно ещё, – огрызнулся Сергей.

Первый километр действительно был трудным. В коллекторе чего только не было – и мусор, и пластиковые бутылки, и даже ветки деревьев. Они-то как раз в основном и мешали проходу, и братьям приходилось буквально продираться сквозь эти импровизированные завалы.

– Хорошо, что ОЗК надели. Хоть и парит, но зато без царапин и ссадин, – заметил Саша.

– Ну, во-первых, не ОЗК, а защитный костюм Л-1. Боюсь, ОЗК пропускал бы... И ты прав: в этом говне не хватало только поцарапаться, инфекцию занести, – согласился с братом Сергей.

Общевойсковой защитный комплект действительно не совсем подходил для такого путешествия. Поэтому защитный костюм Л-1, который Александр одолжил у знакомых диггеров, действительно выручил братьев. Они не промокли, когда опускались в ливнёвку, да и потом, когда брели, ориентируясь по карте в коллекторе, иногда проваливаясь по пояс, этот костюм прекрасно предохранял не только от сточных вод, но и от всей той грязи, которая десятилетиями накапливалась здесь. И хотя в мае уже было достаточно тепло, здесь, в подземелье, уже

через три часа после начала своего путешествия кладоискатели ощутимо продрогли, потому что сначала вспотели, а потом, пребывая постоянно в холодной воде, стали замерзать. Но надо было идти – назад дороги не было...

Глава вторая. Неожиданное нападение

Через полчаса тоннель снова стал расширяться. Александр достал карту.

– Так. Похоже, мы уже вот-вот должны вый ти к Днепру. Мы прошли пересечение Серова и Ленинградской, ну, то есть Стародворянской. Как там раньше Серова называлась? Ага, Клубная. Вот здесь пересечение коллектора и стоков с кирпичного завода, которые выходят через Рыбаковскую балку в ливнёвку и идут прямо в Днепр. Именно здесь надо искать. На месте нынешнего оперного театра раньше была церковь. Вернее, раньше был Яковлевский сквер, а уже за ним церковь. Так вот, именно за церковью и был вход в коллектор. Нам надо пройти сто метров вперед, и слева будет небольшой проход, который вел прямо под эту церковь. Всё, пошли.

Сергей молча взял у брата фонарик и пошёл вперед. Тоннель заметно расширился, и стало вроде бы даже как-то светлее. Уровень сточных вод понизился и доходил до колен. Идти стало легче.

– Самое интересное, – Саша не мог долго молчать, – когда я наводил справки у строителей, то они мне сказали, что о безопасности старого коллектора не стоит беспокоиться. В Историческом музее об этом подземном тоннеле знают. Говорят, что построили его 125 лет назад ещё во времена губернатора Андрея Фабра, и его общая длина составляла десять километров.

– Мы с тобой уже километров двадцать намотали, – огрызнулся Сергей. – Давай, Саня, поменьше болтать, и так дышать нечем. Я уже жалею, что противогазы не надели.

– Ой-ой, какая ты неженка. Что? Задыхаешься? – подколот Саша брата.

– Да нет, в противогазе ты бы не болтал, а то у меня от твоих рассуждений уже уши опухли, – улыбнулся Сергей.

Александр рассмеялся.

– Всё, молчу-молчу.

Через десять минут Саша нарушил своё обещание:

– Так, стоп. Судя по карте, здесь где-то должен быть проход. Слева надо смотреть.

Сергей стал светить фонариком, однако в темноте сложно было что-то разглядеть. Братья начали медленно продвигаться по левой стенке тоннеля, пытаясь если не разглядеть, то хотя бы нащупать проход.

– Есть! – внезапно вскрикнул Саша. – Вот проход, только здесь почему-то какие-то доски.

Сергей подошел к брату. Действительно, слева в стене было ответвление. Но оно было буквально забито старыми досками, ветками деревьев и разным мусором.

– У меня такое впечатление, что этот ход был когда-то заделан, а потом уже забился мусором... – Сергей устало оперся на какое-то бревно, выступавшее из завала.

– Ну, наверное, этот ход забросили тогда, когда на месте сквера построили оперный театр. В ливнёвку скинули весь строительный мусор, короче, забили коллектор напрочь. А потом новую систему стоков проложили, и старый коллектор стал ненужным.

– Так мы в жизни тут не пройдем. Этот завал строительная бригада неделю будет разбирать. И техника нужна. Мы здесь с тобой вдвоём ничего не сможем сделать. – Сергей огорченно сплюнул. – Стоило по коллектору столько брести. Могли бы просто пройти на место бывшей церкви – результат был бы тот же.

– Нет, братик, не тот же. Где находилась бывшая церковь, мы знаем плюс-минус лапоть. Зато точно знаем, что под церковью проходил коллектор, и именно туда спускались люди Семёна Каретникова. То есть место указано точно – коллектор под церковью. И мы как раз в этом самом месте – нам осталось пройти метров пятьдесят.

– И что там?

– А там как раз и будет схрон. Ну, под церковью. Сверху мы его никогда бы не нашли, скорее всего, там даже нет входа в старую ливнёвку. А снизу мы точно выйдем к тому месту.

– Как мы выйдем? – Сергей устало посмотрел на брата, направив ему луч фонарика прямо в лицо. – Ты видел, какой тут завал? Как мы его разгребём?

Саша мягко взял брата за руку и перевёл свет его фонаря на его же рюкзак.

– Эх, ты, практик. По раскопам он лазил. А гранаты я для чего попросил тебя взять?

Сергей удивлённо хмыкнул.

– Вот оно что. Я-то думал, ты гранаты сказал взять для того, чтобы схрон подорвать, если махновцы замуровали клад.

Саша засмеялся.

– Ну, для этого тоже. Как там в мультике про кругосветное путешествие было? «Мудрым пользуйся девизом: “Будь готов к любым сюрпризам!”». Вот как раз такой сюрприз. Так, доставай гранаты, только лимонки не трогай, бери эргэшки и немецкие колотушки. Как, «эхо войны» не подведёт? А то как в фильме «Брат», через раз?

Сергей, доставая из рюкзака гранаты и складывая их на выступ в бетонной стене, переложил фонарик в другую руку и посветил себе на лицо.

– Не бойсь, братан, лично всё проверял. Ну, не эти, конечно, а ту партию. На полигон даже специально ездил в Войсковое, заодно и пострелял.

– Тебе бы только пострелять. Фанатик, – засмеялся Саша.

– Кто бы говорил. Вон ты свои ножи тоже кидаешь постоянно, а зачем? Нож против пистолета не пляшет, а в ближнем бою и времени не будет его бросить.

– Ты давай закладку делай, стрелок! – Саша взял фонарик у брата и стал обоими светить на место подготовки взрыва. – Пистолет не всегда под рукой. Опять же, а если патроны кончились. А пара ножей всегда при мне, и спрятать легко, и воспользоваться можно быстро.

– Ладно-ладно, не буду я снова с тобой спорить. Надоело. Так, всё, давай подумаем, как подрывать будем. Здесь тоннель, во-первых, нас взрывной волной может запросто достать, во-вторых, наверху услышат.

– Не услышат, я специально подобрал день выхода. Там сейчас наверху как раз идёт ремонт улицы: и асфальт старый снимают, и деревья пилят, короче, шумят – мама не горюй. Гранаты – это тебе не аммонит. А для этих деревяшек, – Саша пренебрежительно махнул рукой в сторону завала, – нашей карманной артиллерии хватит с головой. И как раз хорошо, что есть зазор – мы гранаты положим вглубь завала, а сами пройдем дальше. Так что все осколки и взрывная волна пойдут по прямой в противоположную стену. Гранаты располагай ручками назад, так что основная волна пойдёт именно вперёд. Ну, и в стороны, конечно. Но мусор раскидает, а дальше мы уж сами.

– В принципе, грамотно... – Сергей бережно укладывал гранаты вглубь завала из досок. – Тогда давай так: я репшнуром кольца вот с этой связки двух эргэшек дёрну, а колотушки детонируют. Разлёт осколков примерно метров двадцать пять, так что отойдём метров на сорок, как раз я взял сороковку шнура. Звук будет несильным, так, хлопок – это же старая граната, РГ-42. РГД-5 шумит больше, но их сложнее достать. Эти консервные банки я у прапора одного выменял.

– А немецкие у кого дёрнул? – спросил Саша.

– Не дёрнул, а честно выиграл в карты, – хохотнул Сергей. – У копателей выиграл, у кого же ещё? Так что всё нормально. Ладно, давай, отходим. Не забудь в уши вставить беруши.

Саша вставил ватные тампоны себе в уши, помог это сделать Сергею, затем взял свой рюкзак и рюкзак брата и пошёл вперёд по направлению к Днепру, освещая одним фонариком себе путь, а другим подсвечивая дорогу своему брату. За ним, пятясь и разматывая репшнур, шёл Сергей. Когда шнур закончился, он скомандовал:

– Стоп! Нормальная дистанция. Подрываем!

Он резко дёрнул шнур и присел. То же самое сделал и Саша.

Взрыв прозвучал довольно громко – всё же это был тоннель, замкнутое пространство. Непонятно откуда вдруг вместе с дымом из бокового тоннеля взметнулась туча пыли. На месте взрыва моментально выросло дымное облако.

– Бл... забыл, что в тоннеле звук громче... по ушам врезало... – выругался Сергей.

– Да, на полигоне намного тише было, – тут же отозвался Саша. – Кстати, ты не почувствовал? Мне показалось, что детонация какая-то странная была. Не один взрыв, а как бы три – один за другим. Вначале тукнуло негромко, такой как бы щелчок, как кнутом, а потом уже были второй и третий.

– Да, я обратил внимание, но думал, что от эргэшек немецкие колотушки бахнули. Ладно, пошли, посмотрим, что там... – Сергей хотел было пойти обратно, но брат его остановил.

– Нет, давай постоим, облако это уйдёт, тогда пойдём. Вдруг там не все рванули... – Саша всегда отличался рассудительностью и никогда не спешил.

Братья постояли ещё минут пять, дым постепенно рассеялся, и они вернулись к месту завала. Однако, когда они подошли ближе, их глазам открылась странная картина: никакого завала не было. Перед ними был открытый тоннель, в который легко и свободно мог зайти человек, даже не наклоняясь. Высота прохода была около двух метров.

– Ну, дела! Я знал, что эргэшки наши мощные, но чтобы вот так... – Сергей в недоумении опустил капюшон ОЗК и почесал рукой лоб. – Смотри, Саня, никаких следов не осталось. Ни от гранат, ни от завала... Не может такого быть!

– Ты прав, что-то ведь должно было остаться... – Саша прошёл немного вперёд, осмотрелся.

Тоннель был пуст. Мало того, куда-то ушла вода, которая ещё пять минут назад доходила братьям до колен. Сейчас высота подземных стоков еле покрывала ступни ног. Всё это было в высшей степени странно.

– Ладно, потом подумаем про все эти странности, а пока пошли по тоннелю. Через пятьдесят метров как раз должно быть то место, о котором я тебе говорил... – Саша протянул один рюкзак брату и зашагал вперёд по боковому проходу.

Действительно, вскоре впереди забрезжил какой-то свет. Но удивительное дело: с каждым шагом в тоннеле было всё светлее, и он как бы становился более наклонным. В то же время откуда-то сверху доносился какой-то шум. Это был не шум строительных работ, не шум проезжающего транспорта, нет, это был совсем другой шум. Какие-то сухие щелчки и отдалённый грохот, напоминавший гром.

– Странно, синоптики не обещали дождь, а как по мне, так гроза наверху начинается, – пробормотал Саша, ускоряя шаг.

И вдруг впереди они заметили несколько человек, которые копошились в тоннеле. Один из них поднял голову и увидел приближающихся Сергея и Сашу. Он вскочил и внезапно протянул руку в их направлении, что-то выкрикивая. Группа людей вмиг разлетелась в стороны, как стая ворон. А рука незнакомца дёрнулась, и рядом с Сашей что-то щёлкнуло.

– Назад! Они стреляют! – скорее понял Саша слова своего брата, который, оттолкнув его в сторону, что-то бросил в направлении незнакомцев.

Сергей, сделав бросок, упал, увлекая брата за собой, прямо в воду. Их защитные костюмы не позволили им промокнуть, но всё же было неприятно – грязная жижа плюхнула братьям в лицо. В этот момент впереди мелькнула вспышка и раздался взрыв.

«Серёга кинул гранату», – запоздало подумал Саша.

По тоннелю пронёсся вихрь, брызнули осколки. Сергей резко подорвался, таща брата за собой, однако Саша уже справился с ситуацией и самостоятельно рванулся вперёд. Какие-то тридцать метров братья одолели буквально за 10 секунд. Их глазам предстала печальная картина: на камнях, которыми было вымощено дно тоннеля, валялись три человека. Один явно

был мёртв, его поза с неестественно вывернутой рукой и развороченным животом говорила сама за себя. Двое других были живы, но получили свою порцию осколков: один лежал без движения и только тихонько стонал, второй пытался подняться, однако у него не получалось – правая нога, похоже, была раздроблена.

– Серега, ты что? Это же криминал! Нас посадят, и отец не спасёт! Ты же в них гранату бросил! – заорал Саша.

Только теперь он понял, почему так плохо слышит и стоны, и до этого взрыв – в ушах у него до сих пор стояли ватные беруши. Саша трясущимися руками стал выковыривать затычки из ушей. И вдруг он понял, что Сергей уже несколько секунд ему что-то орёт прямо в ухо.

– ...стреляли! Понимаешь, они стреляли в тебя! Какой на хрен криминал, ты на их одежду посмотри! – Сергей бросился переворачивать тело убитого гражданина.

Только сейчас Саша заметил, что одеты были незнакомцы более чем странно – гимнастёрки, шинели, какие-то кожушки. А самое главное, на одном красовалась совершенно нелепая казацкая папаха. И ещё рядом с ними лежало настоящее оружие – винтовки, сабли, револьвер. Видимо, именно из этого револьвера стрелял в него один из этих граждан.

– Саня, очнись. Тебя что, контузило? Я как увидел, что этот, – он махнул рукой в сторону мертвеца, – в тебя целится, сразу схватил «эфку», кольцо дёрнул и бросил. И, видимо, прямо в него и попал. Вот он и дёрнулся, промазал. Он бы тебя тут запросто положил, понимаешь? – Сергей продолжал орать, видимо, все ещё не переключившись после короткого боя.

Саша жестом показал брату замолчать, потом вытащил из его ушей беруши, выбросил их в сторону и спокойно сказал:

– Серёга, спасибо тебе, конечно. Спас! Но при чём тут их одежда? Ты думаешь, в суде можно будет списать на это как на смягчающее обстоятельство? Типа меня взбесила их одежда, и я бросил в них гранату? Кстати, за незаконное хранение ещё срок впаяют.

Сергей недоумённо посмотрел на Сашу. Потом вдруг засмеялся.

– Да, братан, остроумно. Только не будет суда, как мне кажется. Если, конечно, это не какие-то там ролевики и реконструкторы. Хотя чего им здесь, в центре Днепропетровска, делать? Это, Саня, махновцы. Те самые, настоящие, понимаешь? Вот этот, – он показал на мёртвого, – и есть Семён Каретников. Я его хорошо запомнил по архивным фото. Так что каким-то образом мы с тобой попали в прошлое. В тот самый момент, когда они прятали казну атамана Григорьева. А вот, кстати, и она. – И Сергей указал ногой на какой-то небольшой сундучок. Крышка его была открыта, а вокруг на булыжниках валялись монеты, бусы и прочие безделушки.

– Ни х... себе, – только и смог сказать Саша.

Глава третья. Прыжок назад длиной в сто лет

В городе шла пальба. Звуки, похожие на раскаты грома, на самом деле оказались артиллерийской канонадой.

– Пархоменко город берёт. Судя по всему, мы попали в прошлое в тот же день, когда и вошли в тоннель. Значит, сегодня двенадцатое мая девятнадцатого года. – Саша посмотрел на карту. – Мы сейчас находимся рядом с выходом из коллектора на Серова, то есть на Клубной. Наверху, чуть дальше – церковь и Яковлевский сквер. Мы выйдем сейчас к церкви и в сквере отсидимся. А то шлёпнут нас запросто. Махновцев в городе мало: после того как атаман Григорьев поднял мятеж и выбил Красную армию из Екатеринослава, часть анархистов перешла на его сторону. Поэтому батька и вывел свои части.

– Ничего, Махно, когда его позже, в июне, красные кинут, с Григорьевым снова подружится, – заметил Сергей, проверяя наличие патронов в нагане, из которого совсем недавно Семён Каретников чуть было не застрелил его брата.

– Ну да, а потом сам же Махно застрелит Григорьева. Кстати, парадокс: в нашей истории этот Семён Каретников и стрелял в Григорьева. А ты его кокнул. Кто теперь убьёт атамана? – не к месту вдруг спросил Саша брата.

– Какая на хрен разница! Лишь бы нас с тобой никто не кокнул сейчас.

Сергей разложил в каменной нише два револьвера («Смит и Вессон» с наганом), винтовку системы Мосина, или трёхлинейку, и ещё одну винтовку системы Бердана.

– Вот весь наш арсенал, но, я думаю, винтовки мы точно оставим здесь. Впрочем, револьверы, скорее всего, тоже бросим.

Саша внимательно посмотрел на брата.

– Слушай, сейчас город берут красные. Нас могут просто шлёпнуть на месте. Тем более мы же не пойдём в город в этих вот костюмчиках – нас моментально застрелят. Значит, придётся надеть шмотки махновцев. Только и в этом случае мы из города не выберемся, так как нас красноармейцы примут за григорьевцев.

– Что ты предлагаешь? – Сергей улыбнулся. – Оружие мы точно оставим, потому что отстреливаться – не вариант. Армия в город входит, это не какие-то там шайки бандитские. Начнём стрелять, тут же подтянутся бойцы, и нас моментально сомнут. А без оружия есть шанс сойти за мирных граждан. Жаль, гранаты тоже нельзя будет взять. У меня остались эргэшка и две «лимонки». Спрячем здесь, в тоннеле. Если что, потом вернёмся, когда всё утихнет.

– Согласен. Но у меня есть идея. – Саша встал с корточек и прошелся взад-вперёд по тоннелю. – Давай не будем шмотки махновцев надевать, а пройдем по коллектору до Днепра. Там вылезем и голышом будем. Ну, мол, купались или рыбку ловили, а нас типа ограбили, раздели и всё такое. Легче будет вписаться. Красные нас, конечно, арестуют, но пока суд да дело, пока в городе порядок будут наводить, мы аккуратно поспрашиваем, что да как, а потом легализуемся. С нас взятки гладки: кто да откуда, скажем, что приехали на заработки, а жрать нечего, вот и пошли рыбу ловить.

– Хоп! Согласен. Только давай тогда пару «лимонок» возьмём, типа рыбу глушили. Ну, они же почти не отличаются от тех, что были сто лет назад. Почти такие же. Так что вопросов не будет. Типа шмотки забрали, а гранаты в воде лежали, их не заметили. Ну и если ситуация вдруг пойдёт не туда, можно будет и напугать, и отбиться... – Сергей, как всегда, повернул разговор в конкретную плоскость.

...Вылезать из коллектора оказалось труднее, чем в него влезать, потому что выход был прямо в реку, причем ни поручней, ни лесенки не было, только какие-то вбитые прямо в гранитные камни набережной скобы. В общем, пришлось прямо из коллектора вплавь уходить

вправо и там кое-как вылезать на берег. И хотя на улице было достаточно тепло, однако вода и в коллекторе, и тем более в Днепре была очень холодной.

– Дддаа, хоть и мммай мммесяц, а ввводдичка бббоддритт, – стуча зубами от холода, пожаловался брату Саша.

Сергей не ответил, молча расстёгивая рюкзак и выкладывая две гранаты «Ф-1», в просторечии называемых «лимонками». Рюкзак он сразу же зашвырнул подальше в Днепр.

– Ззззаччем?! – не утерпел Саша. – Пппригггидился бббы...

– Хрен там! – неожиданно разозлился Сергей. – Сейчас начало двадцатого века. Нет ещё таких рюкзаков здесь и быть не может. Ты хочешь, чтобы нас в расход пустили как шпионов или буржуев? Хорошо, что свои шмотки и ОЗК оставили в коллекторе, надо было и рюкзак там бросить.

В этот момент сверху раздались выстрелы и визг тормозов. Братя переглянулись.

– Так, снимаем трусы – и в реку! – Сергей первым подал пример.

Саша тоже снял свои модные шортики от «Кельвин Кляйн» и молча зашвырнул их подальше в Днепр.

– Всё, теперь остаётся только надеяться, что нас не пристрелят... – Сергей в задумчивости подбросил на ладони «лимонку».

– Граннатты выбрасывваем? – всё ещё дрожа от холода, поинтересовался Саша.

– Да вот не знаю... Давай пойдём наверх, глянем, что там. Выбросить успеем всегда, а то мало ли... Может, эти «эфки» жизнь нам спасут.

Братя осторожно, на корточках подобрались к проходу на набережную и выглянули из-за деревянной будки, которая стояла прямо над выходом коллектора в Днепр. Перед ними разворачивалась сцена, которая была бы больше уместна в голливудском боевике. На улице, которая шла параллельно набережной, стояли два автомобиля. Причём один перегородил движение второму. В одном из автомобилей находились двое красноармейцев, это было видно по будёновкам на их головах и по красным разводам на гимнастёрках. А ещё в авто стоял в полный рост красный командир в чёрной кожаной куртке, в кубанке, с маузером в руке. Рядом с ним за рулём сидел шофёр, тоже в чёрной кожанке, но на голове у него красовалась бескозырка. В другом автомобиле, который преградил дорогу красноармейцам, находилась какая-то совсем уж разношёрстная компания – казачки в папах и свитках, перепоясанных пулемётными лентами, какой-то хлыщ в пальто и шляпе, но почему-то с саблей в одной руке и револьвером – в другой. Во главе всей этой шайки-лейки находился самый настоящий матрос – в бескозырке и расстёгнутом бушлате, как говорится, грудь нараспашку. Естественно, морская душа в виде тельняшки тоже была опоясана пулемётной лентой. Ещё в машине сидела молодая барышня в пальто и кокетливой шляпке. А матрос стоял во весь рост и угрожал красноармейцам наганом.

Тем временем, пока голые путешественники во времени укрывались за деревянной будкой, на улице Петроградская стремительно развивался конфликт между двумя группами вооружённых людей.

– А ну стой, сдавайся! Кто такие? Красные? – заорал матрос, нацелив в красного командира свой револьвер.

Но тут вместо ответа довольно рослый командир выпрыгнул из своего авто, выбил кулаком из рук матроса наган и тут же выстрелил в него из маузера. Морячок кулем свалился на землю, и пока его спутники находились в прострации, уса́тый командир красных заорал своим людям:

– Берите их!

И сам подскочил к людям матроса, выстрелив в личность в котелке, которая уже целилась в него из своего револьвера. Красноармейцы моментально вскинули свои винтовки и сделали несколько выстрелов. Казачки, не успев даже направить на красноармейцев оружие, рухнули

замертво на сиденья авто. Девушка в ужасе выскочила из автомобиля и бросилась бежать. Один из красноармейцев поднял винтовку, но командир тут же заорал на него:

– Не стрелять! Пусть себе бежит. Мы ж не бандиты, с бабами не воюем!

Шофёр, сидевший за рулем машины Максюты, был ранен, но поднял руки вверх и встал на колени. Красноармейцы подняли его с колен и подтолкнули к своей машине. Один из них стал обыскивать шофера, второй осматривал тела убитых.

– Товарищ Пархоменко, это, кажись, Максюта, из банды Григорьева. Видать, он ехал от вокзала к арестантским ротам. Там сейчас пленные григорьевцы сидят, – скороговоркой доложил командиру шофёр автомобиля красных, молодой парень в бескозырке.

– Ты смотри, вот мы попали. Точно, это Александр Пархоменко, командующий частями Красной армии, которая брала Екатеринослав, – зашептал Саша. – А тот, кого он застрелил, – Максюта, правая рука атамана Григорьева. Максюта перебежал к Григорьеву от Махно, – зашептал Саша своему брату.

Сергей только кивнул, внимательно следя за происходящим. Потом повернулся к брату:

– Что делать будем? Выходим?

– Ну, выйдем, бой уже закончился, не шлёпнут. Пошли. Только «лимонки» оставь тут, – ответил Александр и вышел из-за будки.

Следом за ним, прикрывая интимное место, вышел и Сергей.

– Товарищи, не стреляйте! Мы свои, – крикнул Саша на всякий случай.

Красноармейцы, как по команде, вскинули винтовки, а Пархоменко, моментально развернувшись, направил на братьев свой маузер.

– Какие такие свои? Свои ныне, паря, по городу голышом не бегают! Чего срамota такая, без порток тут мудями трясёте? – выкрикнул один из красноармейцев, стоявший ближе к командиру в папаше.

Шофер Пархоменко подскочил к братьям, держа перед собой наган.

– А ну-ка, ребятки, ручки покажите... Да не стыдитесь, не стыдитесь, стыдно тому, у кого не видно, а у вас, поди, от девок отбоя нет, – затараторил матросик, на бескозырке которого была надпись «Иоанн Златоуст».

Братья нехотя подняли руки, к ним подошли один из красноармейцев и сам усатый командир. Он опустил свой маузер, но всё ещё недоверчиво осматривал неожиданных пленников. Красноармеец, повесив свою винтовку на плечо, скороговоркой доложил:

– Товарищ Пархоменко, стало быть, у авто был найден портфель, в ём якись бумаги, чи то списки, чи то карты – хрен разберёшь, а ишо – фотографические карточки и денёга царская, целые кучи.

– Товарищ Пархоменко, мы – простые студенты, приехали на каникулы к родным, а тут война, еды нет, пошли рыбу ловить, а тут бандюки какие-то нагрянули, одёжку всю забрали, с документами, со всем, – быстро стал пояснять командиру Сергей.

– Тихо-тихо, господа студенты, – зашикал на него шофёр-матрос, обходя сзади. – Шо у вас всё забрали, мы видим и с пониманием внимаем. Но вот вопрос до вас есть: а какого лешего вы попёрлись рыбку ловить, когда стрельба по всему городу идёт?

Обернувшись к командиру, он добавил:

– Товарищ Пархоменко, надо бы тут осмотреться, а то вдруг эти молодчики решили просто от атамана дезертировать, как увидели, шо ему конец приходит?

Командир неожиданно ответил густым басом:

– Та не, товарищ Чубенко, не того это полёта птицы, пацанва – сам не видишь? Для бандитов слишком уж у них лица городские, интеллигенты, мать их за ногу.

– Так, товарищ Пархоменко, не могли ж их до исподнего разоблачить, шо ж, отак всё сняли? Ну, портки, там, рубашку – ёнто да, сапоги – понимаю, а кальсоны сымать – это ж даже

бандюки не стали б на такое иттить. Григорьевцы и так прибарахлились за эти дни, шо им та одёжка? Шлёпнуть – шлёпнули б, а пошто раздевать? – вмешался в спор красноармеец.

Тем временем матросик спустился к воде и стал внимательно разглядывать то место, откуда появились Саша и Сергей.

– Товарищ Пархоменко, мы только рыбу ловили, родные в село уехали, пропитание добывать, а у нас хоть шаром покати, только хлеба малость, – включился в разговор Саша.

И тут появился товарищ Чубенко, как назвал своего шофёра в бескозырке сам Пархоменко.

– Хлебушек, говорите, имеется? Вот этот? – Матросик держал на раскрытой ладони пару «лимонок», которые Сергей оставил на берегу. – Вот, товарищ Пархоменко, какие игрушки у этих вот мальчиков. На бережке мирно себе таки лежали, видать, рыбку собирались глушить, да? – проговорил сквозь зубы Чубенко, обращаясь в конце своей речи к братьям.

Пархоменко прищурился.

– Ну и как вы это поясните, хлопцы? – спросил он.

– Так правильно сказал ваш товарищ, рыбу глушить хотели. А чем нам её словить? Мы ж не рыбаки, сетей нету. Раньше, вон, возле Амурского моста собирали, её там много было, когда пушки садили по вокзалу и пригородам. А потом там такая пошла жара, что как бы самим не попасть на сковородку. Вот сюда и пришли. Ну и тут нас прищучили, как говорится, – с улыбкой ответил Сергей.

– Ты гляди, шкет, а ведь он, товарищ Пархоменко, нас не боится, – восхищённо цокнул языком Чубенко. – Не боишься, шо мы тут вас и шлёпнем? Григорьевцев вона десятками стреляли, под горячую революционную руку и вы сойдёте.

– Погодь, товарищ Чубенко. Ну сам видишь, на бандитов они никак не выходят. Если бы мы белых выбили, то ещё могли бы быть юнкерами сопливыми, да откуда тут щас юнкера? Сынки буржуйские – это да, вона какие гладкие. Не похоже, щоб голодали. И руки у них белые та чистые, ремеслом не торкнутые. Ладно, везите их на бандитском автомобиле в тюрьму, – распорядился Пархоменко. – Только накиньте на них одёжку какую, вон, пусть с бандитов снимут портки и всё, что там надо. Чубенко, отвезешь, бери себе одного бойца, вот, Сидорчука, а мне надо срочно в штаб.

– Слыхали, барчуки? – Красноармеец постарше толкнул Сергея в спину по направлению к бандитскому автомобилю. – Идите, прибарахлитесь, да потом убитых складайте на дно антамабиля. И поедем.

– Куда? – все же спросил Саша.

– Куды-куды! На Кудыкину гору. Вон туды, в арестантские роты, тама у нас тюрьма, григорьевцев туда всех посадили. Мож, увидите тама ваших обидчиков, шо одёжонку у вас умыкнули, коли не брешете! – красноармеец развеселился.

– А точно, Сидорчук! Глядите, ребятки, а вдруг увидать сведётся со своими обидчиками? Мы там бандюков много собрали, не заскучаете. А там ваши мутные личности проверим. Ежели вы то, что тут нам расписали наглядно, правда – так гуляйте морем, только голышом больше не бегайте по городу, – засмеялся матрос Чубенко.

Братья стали стягивать с убитых одежду и, безглаголиво морщась, напяливать на себя чужие штаны, рубахи и сапоги.

До тюрьмы доехали быстро – арестантские роты находились недалеко, на том месте, где в будущем Днепропетровске располагались областной Совет и областная администрация. Так что проехали практически по улице вверх несколько кварталов. Во дворе братьям снова пришлось выгрузить трупы, которые подскочившие личности, видимо, из арестантов, сноровисто куда-то унесли.

А Сергея и Сашу завели в старое двухэтажное здание и, записав их фамилии и имена в какую-то амбарную книгу, проводили по коридору в одну из многочисленных камер. Дверь

за ними захлопнулась, и они, повернувшись, поняли: их первый день в прошлом начинается очень даже специфически.

Глава четвертая. Тюрма и воля

Камера была, что называется, набита битком. На деревянных двухъярусных нарах и вокруг них, в том числе и на полу, угнездился какой-то рой из человеческой массы. Многие были полураздеты – в камере остро воняло портянками, невымытым человеческим телом, махоркой и ещё бог весть чем. И если бы не специфический гардероб многих сидельцев, то картинка сильно напоминала бы Сергею и Саше суровые 90-е годы постсоветской действительности в визуализации бандитских сериалов и документальных фильмов о воровской жизни.

Многие персонажи были весьма колоритны и как раз напоминали растиражированный в российском кинематографе так называемый блатной мир. Присутствовали и наколки, и картишки, и даже выделялась группа явного отрицалова, сидевшая, как и положено, на лучших местах в самом центре камеры, за столом. Точнее, за неким дощатым подобием стола. Именно из этой группы моментально вывернулся какой-то разбитной паренёк с приклеенной к губе папиросиной, в тельняшке и брючках клёш. И, конечно же, с бескозыркой, сдвинутой на самый затылок.

Типчик вихляющей блатной походочкой подошел к братьям, внимательно, с некоторой долей презрения осмотрел их с ног до головы, а потом, бочком-бочком, чуть отодвинулся и, обернувшись к своим корешам, немного визгливо произнёс:

– Братва, глянь, кого в нашу гавань занесло! Барчуки приплыли! Надоть их малёхо экспроприировать, вон, на одном сапоги какие справные! А ну-ка, ваше благородие, господин-товарищ-барин, скидывай свою обувьку – у пролетариата ноги мёрзнут!

К слову, по камере этот субъект почему-то передвигался босиком. И хотя было довольно душно, но каменный пол явно теплом не отдавал.

Братья молчали. Сергей, посмотрев на Сашу, тихонько кивнул ему: мол, я начну, ты прикроешь спину. Но этот кивок тут же отметил разбитной матросик.

– А чегой-то мы такие неразговорчивые? Чегой-то воротите морду лица от революционного элемента? Мы ради революции кровь проливали, жизней своих не щадили, а эти вот кровопивцы-баре нас гнобили. Скидывайте обувьку, и чито там у вас есчо? Борцам за правое дело надо твёрдой поступью выходить на борьбу за мировую революцию!

Матросик подошел к Сергею вплотную и как бы легонько взял его за отворот крестьянской свитки, которая была на нём.

– Ты, матросик, на каком корыте и в какой луже плавал? Может, не наплавался ещё? Так я тебе помогу.

С этими словами Сергей правой рукой аккуратно и даже как-то бережно взял левую руку моремана, обхватив его большой палец и внезапно вывернул ладонь, державшую его за отворот свитки, наружу. Не ожидавший сопротивления морячок запрокинулся назад и влево, а Сергей второй рукой продлил его траекторию. И незадачливый экспроприатор, прокрутив в воздухе что-то напоминающее арабское сальто, приземлился в угол, аккуратно рядом с ведром, которое, судя по всему, выполняло функции туалета.

На какое-то мгновение гул, стоявший в камере, прекратился. И только визг приземлившегося прямо на парашу подстрекателя будто бы включил сидельцев в режим повышенной активности. Камера загудела, как растревоженный улей, послышались отдельные угрозы. Но громче всех верещал морячок:

– Ах ты ж... вы ж... буржуи недорезанные, сынки кадетские, мать вашу.... В Господа душу мать... я вас чичас распишу под орех... щас вас...

Большинство слов короткого спича этой пародии на воровскую «шестёрку» было явно не из словаря Даля, некоторые слова братья даже не поняли, но матерное направление речи они уловили верно. И как только матросик подскочил к ним уже с непонятно откуда взявшимся

ножом, Саша, стоявший за спиной брата чуть ближе к месту падения экспроприатора, коротким боковым ударом ноги отправил его обратно в плавание на парашу. Судя по всему, неожиданный и сильный удар в печень не только потушил напрочь всю агрессивность нападавшего, но и на какое-то время выключил у того звук, потому что экспроприатор, шипя и присвистывая, скорчился в углу, не имея возможности даже вздохнуть. А Саша, спокойно подобрав упавший ножик, снова встал за братом и спокойно произнёс:

– Вы, господа-товарищи, нехорошо себя ведёте. Негоже так встречать сокамерников. Не хотите вначале поздороваться?

– А чо нам с тобой, шкет, здороваться? Тебе твоё здоровье тут больше не понадобится, – прогудел рослый амбал, который по еле заметному кивку пожилого мужичка в котелке и фраке с манишкой поднялся из-за стола и пошёл на братьев.

И снова Сергей остался стоять, где стоял. Только улыбнулся:

– Не хочешь, значит, здороваться? Ну тогда давай сразу попрощаемся!

Из-за его спины внезапно выпрыгнул Саша и в прыжке нанес детине сокрушительный удар коленом прямо в подбородок. Наверное, вся камера услышала, как у того лязгнули зубы, и не пожелавший здороваться с новоприбывшими со всего маху рухнул назад, как подрубленный могучий дуб. Падая, он проломил хлипкое подобие стола и стукнулся своей башкой о бетонный пол. А Саша, как ни в чем не бывало, произнёс:

– Вы, дяденьки, зря на нас тут бочку катите. Маленьких обижать – грех! Вот видите, этих Боженька уже наказал. А если будут ещё какие желающие, то мы можем и осерчать. Пока что это были цветочки, но будут и ягодки.

Саша по-прежнему улыбался, но это была улыбка удава Каа перед бандерлогами. Впрочем, вряд ли кто из обитателей камеры читал Киплинга, тем более они и не могли ничего знать о любимом детском мультике Александра.

Видимо, до братвы второй урок также не дошёл, потому что сразу трое парнишек поздравнее молча бросились на наглецов. Однако эффект был столь же быстрым, а финал для нападавших оказался столь же плачевным. Первого казачка в кубанке и меховой безрукавке поверх традиционной здесь тельняшки Саша подпустил к себе вплотную и встретил сразу тремя ударами – локтем в лицо, ударом кулаком той же руки в висок и одновременно, перехватив левой рукой правую руку нападавшего, в которой тот держал нож, прямым ударом ноги в живот отправил казачка в полёт на нижний ярус нар. Нож почему-то остался в руках у юноши.

Одновременно Сергей, резко ударив второго нападавшего расслабленными пальцами по лицу, как плёткой, хлестнув по глазам, заблокировал его правую руку с кастетом. И в этот же момент нанёс удар ногой в пах третьему бандиту, который собирался обрушить на его голову какую-то палку. И пока тот, квакая и хватая ртом воздух, оседал на пол, Сергей вывернул руку первого напавшего на него, проведя классический рычаг кисти наружу. В результате тот свалился на пол и там и остался лежать, потому что Сергей добавил ему в падении удар ногой в бедро, так что в ближайшие полчаса на ноги встать этот штрих не смог бы.

Всё произошло настолько быстро, что обитатели камеры не успели даже оценить случившееся. Хотя не все были в ступоре. Тот самый высокий пожилой мужчина в котелке и фраке с манишкой сделал правильные выводы. По его кивку поднялись сразу человек десять с весьма уголовной наружностью. В руках у некоторых были ножи и кастеты.

– Я так понял, что вы ничего не поняли. Тогда придётся ваши кишки намотать на ваши же ножички, граждане нехорошие, – спокойно произнес Сергей. И вдруг заорал, выхватив из кармана... «лимонку»: – А ну, падлы, на землю, мать вашу перемать... в богадушумать...

И загнул такую сложную матерную конструкцию, что тот самый тип в котелке удивленно приподнял бровь и уже с уважением посмотрел на братьев! А поднявшиеся было с нар и лавок арестанты по его кивку снова уселись на свои места.

– А вы, молодые люди, не робкого десятка. И за себя ответить в состоянии. Уважаю. – «Котелок» встал со своего места и шагнул навстречу братьям.

– Позвольте отрекомендоваться. Арон Давидович Канторович, он же Барон. Здесь с апреля, арестован Екатеринославской ЧК за лекцию «Анархизм и советская власть». Анархист. Из мещан. Окончил три курса Народного университета имени Шанявского в Москве. Известен как один из участников экспроприации Московского общества взаимного кредита. Мы тогда взяли неплохие деньги, примерно восемьсот тысяч рублей ассигнациями. Вы, молодые люди, уж извините за столь неожиданный приём, надо же было удостовериться, кто вы есть. Здесь у нас в основном сидят люди, пострадавшие за революцию от большевиков, часть из армии батьки Махно. Наверное, слыхали о таком?

С этими словами Барон протянул руку братьям. Сергей шагнул вперёд и пожал протянутую руку. То же самое сделал и Саша. Он первым начал разговор:

– Про Нестора Ивановича мы слыхали. И про восстание атамана Григорьева – тоже. Если я не ошибаюсь, как раз сейчас красные захватывают город, а сюда свозят всех, кто был с Григорьевым. Насколько мы слышали, Махно как раз увёл свои части из Екатеринослава и Григорьева не поддержал.

Канторович внимательно поглядел на ребят.

– Сдается мне, для буржуйских сынков вы слишком осведомлены о происходящих событиях. На чекистов вы не похожи... Да и зачем ЧК засылать вас в этот клоповник? Может, вы из деникинского ОСВАГа?

Сергей усмехнулся:

– Что вы. Какие из нас разведчики, да ещё у Деникина. Про то, что Махно и Григорьев на ножах, мы же видели, когда Григорьев захватил Екатеринослав. И воззвание Нестора Ивановича читали. Нас самих вон большевики за григорьевцев приняли и сюда привезли. Мы видели, как они Максюту застрелили.

Барон встрепнулся.

– Шо? Максюту убили? Эх, какой хлопец был! Говорил ему, дураку: чего ты тянешься к этому петлюровцу? К этому царскому прапорщику... Сгубил себя и хлопцев! – И снова обратился к Сергею: – Ну, ладно, вижу я, шо вы таки ребята боевые, настоящие анархисты. Мы таким всегда рады.

– Мы пока что не анархисты. Хотя идея нам симпатична, но мы сами по себе. Мы из Питера приехали к родителям, сейчас в Питере голодно, да и учиться негде, – ответил Саша.

Барон хитро прищурился:

– Вижу, уже научились. Вон, бомбы в карманах носите. Видать, хорошее учебное заведение, да, молодые люди? А охранники как были лопухами, так ими и остались. Так и пулемёт сюда кто пронесёт. Ну, вы проходите, садитесь, а бомбочку вашу, может, спрячете от греха?

Братья сели на лавку, арестанты оттащили тела polegших в драке и ещё не пришедших в себя, кое-как собрали развалившийся стол, на который тотчас были выставлены чайник с теплым варевом, которое Канторович назвал чаем, а также хлеб, сало, лук и несколько варённых в мундире картофелин.

– Угощайтесь, чем Бог послал, и ещё раз прошу простить меня за это небольшое недоразумение. Где это вы так лихо научились руками и ногами махать? Я такого и не видывал, хотя в Америке довелось пожить. Видел и бокс, и французский сават. Вы, наверное, за границей этих премудростей нахватались? – Барон лукаво посмотрел на Сергея.

Сергей улыбнулся:

– Нет, господин хороший. Или товарищ? Как к вам обращаться?

– Можете называть меня Барон. Вроде и фамилия, и титул, и прозвище, – ответил Канторович.

– Ну, ладно, Барон так Барон. Так вот, Барон, мы с братом за границей ещё не бывали. Наши родители хоть и дворяне, но обедневшие. Отец преподавал в Павловском военном училище, а мать давала уроки пения. Сейчас ради заработка она вынуждена петь в гостиных и на концертах, в общем, везде, где платят. Отец тоже пока без работы – хорошо ещё, что красные его не арестовали и не расстреляли, как многих офицеров. Варит гуталин и продает на рынках. Так что мы с братом на барчуковто особо и не похожи... – Сергей налил себе в кружку из чайника.

«Чай», на удивление, оказался хорош: какие-то травы, заваренные и настоянные, судя по всему, со знанием дела. Впрочем, голод уже давал о себе знать, так что и Сергей, и Саша, не чинясь, стали уплетать и хлеб с салом, и картошку, запивая все это травяной настойкой. А предводитель арестантов продолжал их прощупывать.

– Я вижу, шо хотя вы люди и образованные, но вот ваша одежонка как бы с чужого плеча. Как тут говорят некоторые наши товарищи, – Канторович повёл рукой вокруг себя, – не по масти клифт.

– Так сами понимаете, время тревожное, – ответил Саша, жуя. – Пошли рыбку ловить, а тут какие-то вроде ваших «товарищей» наскочили.

Он улыбнулся, скопировав жест Барона, махнул рукой вокруг себя. В камере сдержанно хохотнули.

– Весёлый малый, – восхищённо воскликнул уже оправившийся от драки тот самый разбитной матросик, который первый затеял свару.

– Этот малый тебя на нужник посадил. Как, поплавал там? – захохотал амбал, который сам недавно побывал в нокауте.

– Тебе он тоже засветил не слабо, – огрызнулся мореман. – Я один, что ль, валялся тут? Камера уже откровенно заржала.

– Так вот, – Саша переждал, пока шум стихнет. – Нас вежливо попросили поделиться одеждой.

– А шо ж вы их не отбужкали, вы ж мальчишки не простые, – прищурился Канторович.

– Когда на тебя револьверы и винтари направлены, сильно не потрепыхаешься. Одежду новую можно добыть, а жизнь – она одна. Новую не наденешь, – ответил Саша. – Вы, Арон Давидович, ежели в чём сомнение имеете, так спрашивайте. Одежку вот эту мы сняли с убитых хлопцев вашего Максюты, когда они на красных наскочили. Не голышом же нам сюда являться?

– Надо же, запомнил, как меня зовут. Молодец. А чего они вас прихватили? Вы каким боком к Максюту? – никак не мог уговориться Канторович.

– Я ж говорю, рыбку пошли ловить, жрать-то что-то надо, – вмешался в разговор Сергей.

– Ловили вот на эти ваши замечательные игрушки? – усмехнулся Канторович.

– А как же ещё? Кинул в Днепр, бац – и ужин собирай, а то и обед на два дня, – ответил Сергей.

– И где подобные игрушки надыбали? На кустах, небось, растут? – хохотнул амбал, стоявший за спиной у Барона.

Тот обернулся назад и глянул на свою «шестёрку». Тот сразу перестал улыбаться и заткнулся.

– Мирон хоть и дурной, но иногда вопросы правильные задает. Такие бомбы на улице не валяются.

Саша допил «чай», вытер рукой рот и ответил:

– Сейчас на базарах всё что хочешь можно найти, были бы гроши. А мы в январе видели, как петлюровцы с махновцами и красными бились. Потом, когда перестали стрелять, ходили там, посмотрели. Кое-что нашли. И для рыбы, и не только для рыбы.

– Да, вижу, что хлопцы вы не простые. Боевые, можно сказать. Таких бы к нам, в Повстанческую армию батяки Махно! – Канторович стукнул кулаком по столу.

Стол подозрительно затрещал.

– Будет день – будет песня... – Сергей многозначительно посмотрел на дверь. – Для начала отсюда надо выйти. Мы, когда ехали сюда, слышали, как красные переговаривались, мол, надо всех григорьевских бандитов к стенке поставить.

Канторович нахмурился.

– Да уж, красные шутить не любят. Меня вон за агитацию упекли. А кого я агитировал? Я пояснял трудящимся текущий момент и наше место в этом моменте. Не любит советская власть нас, анархистов. Но тогда не шлёпнули, а теперь точно шлёпнут.

– Так чего ж тут сидеть? У меня две гранаты, подорвем дверь – и на волю. Тем более что пока красные с Григорьевым схлестнулись, то на нас у них нет времени. А как выбьют атамана из Екатеринослава, всех точно в распыл пустят... – Сергей встал, и окончание его речи было обращено не только к Барону, но и ко всем обитателям камеры.

В этот момент за окном, которое было заграждено решёткой, раздались крики, выстрелы и ржание лошадей. Парочка арестантов кинулась выглядывать в окно.

– Барон, там, кажись, григорьевцы нагрянули. С красными зарубились, – заорал один из них.

Канторович резко встал.

– Так, братва, собираемся отсюда, красные нас по-любому живыми не выпустят и панькаться с нами не будут. Ну, шо, дорогие гости, поможете нам обрести свободу в этом царстве тирании?

Сергей молча достал из карманов две «лимонки» и подбросил их на ладонях.

– Отойдите все к дальней стенке, ложитесь лицом вниз, прикройте головы. И на нарах все тоже ложитесь. Прикройтесь кто чем может. А чайничек ваш придется экспроприировать.

Сергей взял чайник, подошел к двери и внимательно её осмотрел. Она была массивной, обитой листовым железом. Однако её запоры были старыми, а главное – стена была не из камня, а из кирпича. Достаточно было взорвать кладку в месте, где находился сам запор, и дверь легко можно выбить.

Сергей выдернул кольца обеих «эфок», опустил их в чайник, из которого он предварительно вылил всю жидкость, и повесил этот чайник прямо на крючок, который располагался слева у двери. Сам же отскочил в левый от дверей угол, в то самое место, где стояло помойное ведро. По идее осколки от гранат и чайника не должны были туда залететь.

Раздался громкий взрыв. Камеру заволокло дымом и кирпичной пылью. Несколько человек вскрикнули – осколки всё же кого-то достали.

– Братва! Выбиваем двери – и айда отсюда! – крикнул Канторович. – Свобода или смерть! Бей красных, выходи на волю!

Несколько арестантов своими телами выбили остатки дверей, и вся камера рванула на двор. Там уже шла перестрелка.

– Ну, хлопцы, не поминайте лихом. У каждого своя дорожка, но, так миркую себе, мы таки ещё встретимся! – Канторович кивнул братьям и скрылся в коридоре.

Сергей и Саша остались одни в камере.

– Ну, и что будем делать, братец? Занесло нас, как видишь, серьёзно. Читали про попаданцев, а теперь вот сами такими стали. Надо как-то здесь ассимилироваться, а то рано или поздно нас точно шлёпнут, хоть те, хоть эти... – Сергей вопросительно посмотрел на брата.

Саша ответил не сразу.

– Значит, так. Для начала надо просто, как ты говоришь, ассимилироваться. Пожить, посмотреть. Может, нас обратно вытолкнет. Кто его знает? А пока где-то осядем, посмотрим, что да как.

– Ты давай думай, что да как... Нам ведь жрать чего-то надо. И жить где-то тоже. В городе опасно, Григорьева Красная армия дня через два выбьет, начнутся проверки разные. А в июне здесь уже будет Деникин. А потом снова то красные, то махновцы, то белые. В общем, здесь оставаться не вариант. Надо куда-то в село. И прокормиться там легче.

Саша покачал головой.

– Не факт. Повсюду махновцы и более мелкие банды. Придётся прибиваться к кому-то. Но в одном ты прав: надо что-то жрать и где-то жить. Давай пока сваливать из города, а там видно будет. Сидеть и ждать у моря погоды опасно: ещё раз попадём либо к тем, либо к этим – и всё, расстреляют или порубят. Я вижу, ребятки тут шустрые и особо не церемонятся. Так что пошли, там, по-моему, охрану уже перестреляли, насколько я помню, григорьевцы прискакали своих вызволять, сейчас в городе начнутся грабежи, мародерство, снова Григорьев войдёт в Екатеринослав и будет три дня бодаться с красными. Предлагаю раздобыть какой-то транспорт, потому что в этих чёртовых сапогах лично я пару километров только смогу пройти. Но для начала сходим на место нашего попадания, посмотрим, что там... Может, назад выкинет?

Сергей молча показал большой палец, и братья побежали на двор.

Глава пятая. Куда уехал цирк?

По пыльной дороге ехал странный фургон. Обычно между сёлами Екатеринославской губернии курсировали крестьянские подводы, нагруженные всяким скарбом. Селяне или ехали торговать на базар в Екатеринослав, или переезжали к родственникам подальше от войны, или везли продукты своим родным в соседние сёла, по которым прокатилась волна грабежей и реквизиций. Что, впрочем, было одно и то же. Иногда проезжали верткие брички-тачанки, которые батя Махно приспособил под военные нужды, изобретя нечто вроде гибрида броневика и конницы.

Нестор Иванович, по сути, создал новый род войск – эдакую конно-пулемётную единицу, прообраз будущей мотопехоты. Тачанка стала продолжением идеи боевой колесницы, когда лучники поражали живую силу противника стрелами, а сама колесница сокрушала пехоту своими колесами, в которые были вставлены лезвия мечей. Махновские тачанки тоже косили вражеские цепи очень эффективно: всего один станковый пулемёт системы Максима мог существенно проредить и пехотные цепи, и конную лаву. А если таких пулемётов, мобильно появляющихся на острие наступления, было с десятков, то любая атака кавалеристов в конном строю захлёбывалась. И махновцы не раз и не два демонстрировали это грозное оружие, отражая тачанками кавалерийские атаки – и конных корпусов Миронова и Думенко, и казачьих сотен генерала Шкуро. В конце концов и красные, и белые тоже ввели в своих частях тачанки как отдельные боевые подразделения.

Но махновские тачанки редко шастали поодиночке. Чаще всего на них разъезжали так называемые атаманы Первой Повстанческой армии батя Махно. И за такими тачанками всегда скакал небольшой отряд всадников. Махновцы никогда не передвигались поодиночке – очень беспокойно было в Екатеринославской губернии, и ни быстрые кони, ни пулемёт Максима не выручили бы в жаркой схватке.

Иногда по сельским дорогам пылили автомобили, которые также сопровождали конные отряды. И совсем уж редко встречались люди, передвигавшиеся пешком: местные всегда ходили, как говорится, навпростец, то есть напрямик, игнорируя дороги. По той же причине отдельные всадники предпочитали скакать не по дорогам, а по полям, по долам. Поэтому фургон, появившийся на дороге к селу Царичанка, был странным сам по себе – редко подобные средства передвижения появлялись в этой местности. А уж его внешний вид совершенно выбивался из привычной картины, унылой и серой, несмотря на вступившее в свои права лето. Зелень полей уже пожухла – жаркое солнце выжигало степи, а боевые действия сразу нескольких армий и различных отрядов местных атаманов всех мастей от батя Махно до батя Зелёного оставляли за собой дым пожарищ и пепелища. Голубое небо посерело от дыма, а поля то и дело горели – жара и пожары делали свое дело.

Добровольческая армия генерала Деникина прорвала Южный фронт Красной армии и вела наступление на Харьков и Екатеринослав. Махновские повстанцы после разрыва с большевиками совместно с отрядами атамана Григорьева, отступая в херсонские степи, оказывали отчаянное сопротивление частям Кавказской дивизии генерала Шкуро. Махно поддерживали крестьяне – продуктами, оружием, людьми, поэтому добровольческие полки устраивали в сёлах частые экзекуции. Деникинцы пороли, вешали селян, жгли сёла, правда, не полностью, а только дома сочувствующих батя Махно. Разбитые Красной армией остатки дивизии атамана Зелёного отступали на Левобережье и, получив сокрушительный удар со стороны Днепровской военной флотилии красных, отходили от Екатеринослава, продолжая ожесточённо сопротивляться и красным, и белым.

Так что раскрашенный яркими красками цирковой фургон был как-то совершенно неуместен на фоне всех этих событий. Потому что цирк выглядит нелепо посреди дурдома.

А именно так можно было назвать то, что происходило в конце июня 1919 года в районе Екатеринослава. Но жизнь есть жизнь, и каждый пытался заработать как мог. Поэтому отпочковавшиеся от харьковской цирковой труппы бродячие циркачи – борец Клаус Буш, его жена и дочка, выступавшие с акробатическими номерами, а также фокусник Яков Каплан – вот уже полгода колесили по Украине, давая представления в городах и сёлах.

Сергей и Александр примкнули к цирковой труппе полтора месяца назад. Пешком передвигаться по губернии было не очень-то удобно. Ведь ни документов, ни нормальной одежды, ни средств к существованию, а главное – даже планов на будущее у братьев, так внезапно очутившихся в прошлом, не было. «Транспорт», раздобытый Сергеем, – смиренная гнедая кобылка – оказался подходящим лишь для него самого, потому что Саша на лошадях ездить практически не умел. Сергей же занимался конным спортом пять лет и на любой лошади сидел как влитой. Поэтому из Екатеринослава Александру пришлось топтать в пешем строю. Причем босиком: немилосердно натиравшие ноги сапоги он всё же снял. Однако босиком передвигаться тоже оказалось не очень-то и сподручно, точнее, сподножно – то камни на дорогах попадались, то какие-то колючки. Или просто солнце так нагревало дорожную пыль, что ступать босой ногой было совершенно невозможно. К тому же непривычный к передвижению пешком Александр очень быстро заработал на обеих стопах большущие волдыри. Он было попробовал взять у брата пару уроков верховой езды, но смог сидеть на лошадке, только если она шла неспешным шагом. Любой другой аллюр был пока для Саши недостижим.

– Ничего, вот устроимся здесь, я тебя выдрессирую, – посмеивался над братом Сергей.

Увы, как раз с планами обустройства у братьев никак не складывалось. Они несколько раз заходили в сёла, однако смогли только кое-как добыть себе пропитание. Для этого им пришлось наниматься на подённую работу – чистили хлев, грузили муку на мельнице, а один раз даже копали колодец. И встреча с бродячим цирком стала для них счастливым билетом.

В селе Сурско-Литовском, где давал своё представление цирк Клауса Буша, на площади собралось довольно большое количество народа – было воскресенье, базар был в самом разгаре, а братья как раз подрядились на ремонт местной церкви и таскали наверх деревянные балки и кирпичи. Поэтому с удовольствием приняли предложение своего нанимателя сделать перерыв и вместе с ним посмотреть выступление циркачей.

Программа цирка Буша была довольно заурядная. Сам Клаус работал с железом – жонглировал двумя двухпудовыми гириями, гнул подковы, а также поднимал всех желающих, как штангу. Его дочка Марта показывала простенькие гимнастические этюды, жена Анна жонглировала мячиками и кольцами, а фокусник Яков Каплан демонстрировал карточные фокусы и доставал у зрителей из разных мест то цветные платки, то куриные яйца.

А в финале Клаус Буш вызывал всех желающих с ним побороться. Как правило, не искушенные в французской борьбе местные силачи очень быстро проигрывали цирковому борцу, который, между прочим, принимал в свое время участие в различных чемпионатах по борьбе. И, как он сам рассказывал, встречался с самим Иваном Поддубным. Так что и в Сурско-Литовском не нашлось достойных соперников – здоровенные мужики очень быстро шлёпались на землю или попадались на двойной нельсон.

И тут вдруг в центр площадки вышел паренёк. Площадь оживилась: пацан хоть и был довольно высок, но рядом с внушительным и мускулистым циркачом выглядел, как библейский Давид рядом с Голиафом.

– Ты, хлопец, не боишься, шо я тебя поломаю? – Клаус усмехнулся, разглядывая своего соперника.

– Вы, господин хороший, не волнуйтесь, – ответил ему второй паренек, стоявший рядом с вызвавшимся. – Мы, Юрьевские, крепкие и жилистые, нас поломать непросто.

Оба паренька были похожи как две капли воды, несмотря на то что одеты были по-разному. Сергей был в простой крестьянской рубахе, солдатских суконных шароварах и в ботин-

ках с обмотками. Александр щеголял в солдатской гимнастерке, казачьих шароварах с лампами и новеньких юфтевых сапогах, которые он купил на базаре. Сапоги Саша снял, аккуратно разминая ноги перед схваткой.

В толпе раздались крики:

– Ну, давай, малец, покажи свою удаль!

– Забори этого хранцуза, матери его ковинька!

– Смотри, портки не потеряй фасонистые! Га-га-га!

Циркач вышел на середину площадки. Она была засыпана песком, обычно здесь показывали коней: желающий мог проехаться на выбранном скакуне, опробовать, так сказать, ходовую часть. А сейчас это обстоятельство оказалось очень удобным для борьбы.

Циркач встал в борцовскую стойку и пошёл на своего соперника. Саша стал понемногу передвигаться по площадке, соблюдая дистанцию. Но Клаус не собирался показывать какие-то чудеса борьбы, а просто решил закончить схватку классическим приёмом – захват за шею и двойной нельсон. И эффектно, и быстро. Но не тут-то было! Как только атлет с невообразимой для его комплекции быстротой рванулся к Саше, тот ужом проскользнул к нему за спину и тут же захватил его шею в плотный захват.

– Не надо, ты его не задушишь! – крикнул брату Сергей. – Попробуй сделать висячку.

И действительно, могучий Клаус моментально сбросил захват соперника – все-таки весил он явно больше ста килограммов, при том что Сергей не дотягивал и до восьмидесяти. Циркач оценил скорость парня, однако сделал свои выводы. Он уже не пёр на рожон, пытаясь задавить массой, но всё равно пытался сократить дистанцию и взять в захват. При такой разнице в весе, каким бы ни был его соперник мастером – а то, что тот умеет бороться, Клаус уже понял, – как только парень попадет в захват, схватка будет сразу закончена. Но Саша это тоже понимал, поэтому передвигался по кругу, стараясь уловить момент для проведения приёма. И этот момент настал очень быстро – циркачу удалось поймать его за левую руку. Но прежде, чем Клаус смог выдернуть Сашу к себе, чтобы провести плотный захват, тот не стал освобождать левую руку, а своей правой рукой «загрузил» шею соперника и, внезапно высоко подпрыгнув, забросил свои ноги на шею борца. Вернее, правая Сашина нога легла чуть выше левого бедра циркача, а вот его левая нога ушла к голове Клауса. Причем в момент своего прыжка паренёк прокрутился таким образом, что его голова оказалась внизу, возле ног соперника. При этом правая рука борца оставалась в плотном захвате у Александра.

Если вам на руку внезапно повесят семьдесят килограммов, что вы сделаете? Правильно, потеряете равновесие, и вас моментально унесёт вперёд и вниз. То же самое произошло и с цирковым борцом: на его правой руке повис соперник, который не только весил более семидесяти килограммов, но ещё и прокрутился в воздухе, придав телу соперника импульс и ускорение. А поскольку тот ничего подобного не ожидал, то, потеряв равновесие, грохнулся вперёд и автоматически перекувырнулся через голову. Но рука его уже была зажата, как в тисках, в руках Александра. К тому же левой ногой тот придавил Клаусу ещё и шею, давя на неё и дополнительно совершая удушающий. Борец французского стиля, у которого в арсенале болевых приёмов кроме двойного нельсона практически ничего не было, такого коварства совершенно не ожидал. Однако, попытавшись дёрнуться и применить свою силу, Клаус моментально понял: ещё чуть-чуть, и его рука будет сломана в локте.

– Сдаюсссь... – еле прохрипел циркач.

На площади царило ликование. Люди такого никогда в жизни не видели. Нет, местные парубки часто боролись, иногда дрались, но вот такого никто и представить себе не мог.

– Гыыыы... Як хлопец хранцуза-то уделал!

– Я думав, шо он счас циркачу тому башку оторвёт!

– Та ни, вин йому руку мало нэ видирвав!

– А ты бачыв, шо вин йому на шию заскочив?

Клаус Буш медленно поднялся, отряхивая с лица песок и плюясь, подошел к своему сопернику и пожал ему руку.

– Вы, молодой человек, показали очень необычную технику борьбы. Научите меня этому приёму?

Так братья Юрьевские познакомились с цирковой семьёй Бушей. И оказалось, что кроме умения бороться Саша прекрасно метает ножи, а его брат Сергей – великолепный акробат. Он показал несколько формальных комплексов ушу – таолу – в стилях «пьяный мастер» и «длинный кулак», чем восхитил всех циркачей. В общем, бродячий цирк пополнился двумя членами труппы, а программа его – двумя новыми номерами. И вот уже целый месяц цирковая труппа колесила по Екатеринославской губернии, зарабатывая себе и на пропитание, и на жизнь. Ведь нужно было и одежду покупать, и реквизит в порядке содержать, да и кони тоже требовали ухода. К тому же в нынешнее беспокойное время, когда непонятно, что будет завтра, деньги уже совершенно обесценились.

По губернии в 1919 году ходили и старые царские деньги – николаевские ассигнации, и деньги Временного правительства – керенки. Но наравне с ними имели хождение и какие-то украинские гривни, которые называли яичницей, потому что самая ходовая купюра в сто гривень была ярко-жёлтого цвета. Встречались также немецкие, австро-венгерские, румынские и польские деньги. Командующий Добровольческой армией Деникин тоже стал выпускать свои деньги – рубли, которые быстро окрестили «деникинками» и «добровольками».

Кстати, украинских денег было больше всего, так как правительства там менялись каждый год, и каждое новое печатало свои деньги. Вначале Центральная Рада напечатала гривни, потом УНР напечатала карбованцы, а когда власть захватил гетман Скоропадский, то выпустил свою валюту – марки. Видимо, угождая оккупировавшим в то время Украину германским войскам. В народе даже ходила такая шутка: «Раньше были деньги, теперь же – марки, раньше были хорошие хлопцы, теперь – одни шмаркли». На обратной стороне этих марок почему-то было написано «шаги». То есть такие были деньги – 20 шагов, 50 шагов. Шутки про эти деньги и их хождение были совершенно нецензурные: их хозяев посылали очень далеко, и не на 20 шагов, а гораздо дальше.

Но гетмана Скоропадского сверг Петлюра и учредил свою Директорию. Которая, конечно же, первым делом напечатала свои деньги. На этот раз они назывались карбованцами. Правда, наравне с карбованцами продолжали цениться, как это ни странно, и рубли, и керенки, и гривни. Последние в народе называли горпынками из-за портрета женщины, которая как бы олицетворяла «молодую независимую Украину». Хотя все эти украинские деньги были напечатаны в Берлине.

Поэтому во всей этой кутерьме наибольшую ценность имели дореволюционные золотые и серебряные монеты – николаевские золотые червонцы и серебряные рубли. А в ходу были деньги той власти, которая в данный момент контролировала территорию. Так что летом 1919 года в Екатеринославской губернии наряду с керенками и карбованцами стали просить деникинские рубли. Эти деньги по мере приближения к Екатеринославу Добровольческой армии всё охотнее принимали торговцы любого калибра, от спекулянтов-мешочников и сельских дядек, торгующих то пшеницей, то мясом, до серьёзных иностранных фирм и крупных магазинов.

А братьям нужно было накопить хоть какой-то стартовый капитал. Потому что у них возник план.

Глава шестая. Переиграть гражданскую войну

Цирковой фургон подъезжал к Царичанке. Клаус Буш планировал на несколько дней остановиться в этом селе. Надо было подковать лошадей, запастись провизией, да и приборам-ли артистам не помешало бы – повседневная одежда быстро приходила в негодность, не говоря о цирковых костюмах. У Сергея и Саши кроме той одежды, что была на них, не было больше ничего. Как говорится, всё своё ношу с собой. Нет, были у них, конечно, кое-какие личные вещи – смена белья, полотенца, портянки. Но это и всё! По рубахе на брата да всего пара штанов: у Сергея – солдатские суконные брюки, которые позже стали называть галифе, а у Александра – казацки шаровары. Ну и обувь нормальная была только у Саши – новенькие юфтевые сапоги. Сергей довольствовался ботинками с обмотками, потому что всё равно чаще передвигался на лошади: у циркачей две были запряжены в фургон, а одна являлась сменной, и Сергей частенько её выезжал.

Но ходить постоянно в одной и той же одежде, особенно жарким летом, было совершенно невозможно. Нужна была смена, хотя бы по паре рубаш и паре штанов. Опять же, вещи имели свойство рваться, изнашиваться, пачкаться. А если постирать, то бегать нагишом? В одних кальсонах? Кстати, эти кальсоны совершенно вывели братьев из равновесия. Труссы в этом времени ещё не прижились, а даже в хлопчатобумажном белье летом было слишком уж жарко. В общем, пыль и пот моментально превращали гардероб братьев в нечто совершенно не носибельное, и почти в каждом селе во время остановки им приходилось свою одежду полоскать в реке или просто в ведре с водой из колодца. Выручали ещё цирковые костюмы, которые братьям пришлось себе соорудить для выступлений.

С костюмами вышла забавная история. Нет, понятно, что на них тоже пришлось потратиться. Но если Сашке достаточно было купить на одном из сельских базаров атласную рубашку ярко-красного цвета, очень похожую на прикид какого-нибудь цыганского барона, то Сергею надо было для его ушу нечто особенное. Александр для своего номера – метание ножей – просто переодевал рубашку, снимая свою повседневную гимнастёрку, а его казацкие шаровары и новенькие сапоги вполне подходили под образ. Сергей, конечно, тоже мог бы демонстрировать комплексы ушу в том, в чём был одет. Но, с одной стороны, где же эстетика, где зрелищность? А с другой, делать сальто и фляки в грубых ботинках с обмотками? Фи!

И вот в одном из сёл Сергей познакомился с китайцами. В то время китайцев в России было довольно много, проживали они и на Украине. Кто его знает, каким ветром заносило их так далеко от родных кантонов и шанхаев, но китайцев было полно не только среди селян, они попадались и среди рабочих, и среди торговцев. Немало их воевало в рядах всех армий – и у белых, и у красных. И в бандах разных атаманов тоже были китайцы.

Китайская семья, которая торговала на базаре, явно разорилась и продавала всё своё имущество, чтобы иметь возможность уехать в Екатеринослав. Как понял Сергей, который знал несколько десятков китайских слов, урожай семьи Цуй Вана пропал из-за ожесточённых боёв близ их села, а дом сгорел, так как в него попал снаряд. Хорошо ещё, что китайцы пересидели сражение в погребе, поэтому все остались живы. Рачительный Цуй Ван, зная о предстоящем бое, все ценные вещи, в том числе и одежду, из дома вынес и схоронил в укромном месте. Так что семья хоть и осталась без крова и пропитания, но, по крайней мере, никто не был раздет и разут. Вот и продавали одежду, чтобы не помереть с голоду.

Сергею повезло купить вполне приличную традиционную китайскую рубашку танчжуан белого цвета, а к ней ещё и жакет, или пиджак-мандарин. Китайцы никогда не ходят в одной рубашке и даже в жару сверху надевают жакет, который, так же как и рубашка, имеет воротник-стойку и завязывается на верёвочки, а не застёгивается на пуговицы. Это довольно практично, хотя и немного удлиняет время одевания. Жакет был праздничный, алого цвета, что для

выступления Сергея было самое то. Ну и, понятное дело, он купил китайскую обувь – традиционные парусиновые туфли с плоской подошвой, а заодно и пару китайских штанов ку чёрного и белого цвета. Таким образом, он и костюм для выступлений себе заимел, и дополнительные брюки. Тем более что они были из хлопчатобумажной ткани, и на жаре в них было намного удобнее находиться, нежели в суконных солдатских галифе. Впрочем, в моменты переезда от села к селу Серега скакал на лошади в одних штанах с голым торсом.

Но на этот раз он ехал не спеша вслед за фургоном, а его брат-близнец Саша шёл рядом, держась за луку седла. Братьям давно надо было серьёзно поговорить, однако этот разговор не должен был коснуться посторонних ушей.

– Смотри, Серёга, мы же с тобой учили историю. Армия батки Махно контролировала, точнее, сейчас, летом девятнадцатого года, контролирует огромную территорию, почти треть всей Украины. Это семьдесят две волости Екатеринославской и Таврической губерний с населением более двух миллионов человек! В январе он пошёл на союз с красными только потому, что петлюровцы продолжали оказывать на него давление, пытаясь переманить на свою сторону. С юго-востока и юга надвигалась Добровольческая армия, а с севера подходил Украинский фронт большевиков. Махно не смог бы воевать сразу со всеми, потому и пошёл на переговоры с Каменевым. И его армия подчинилась высшему красному командованию лишь в оперативном отношении, причём с противоденикинского фронта никуда не ушла. То есть махновцы боролись с деникинцами и фактически не позволили Добровольческой армии взять Москву.

Александр, держась одной рукой за стремя, другой оживлённо жестикулировал. Сергей усмехнулся и, наклонившись с лошади вниз, к голове брата, подмигнул и ответил:

– Всё это понятно, но сейчас Махно объявлен Троцким вне закона и мутит там что-то с атаманом Григорьевым. И летом девятнадцатого года повстанческая бригада махновцев, оставшаяся без руководителя, развёрнутая в стрелковую дивизию РККА, будет разгромлена деникинцами, после чего остатки повстанцев отойдут в Херсонскую губернию.

Саша, глядя на брата снизу вверх, снова стал горячиться:

– Тем не менее, в данный момент Махно не разругался с большевиками, он всего лишь направил телеграмму Ленину, а также Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Ворошилову, в которой сообщил о своей преданности революционному делу и объяснил принятие решения о разрыве с Красной армией постоянными нападками на него со стороны «представителей центральной власти» и «прессы коммунистов-большевиков». Одновременно в телеграмме Махно просил освободить его от командования дивизией. То есть он, как ты помнишь, окончательно не стал собачиться с большевиками.

Сергей снова усмехнулся, в буквальном смысле слова поглядывая на брата свысока:

– Ну да, в следующем году, осенью, Махно снова заключит союз с красными. И что из этого? Его использовали как таран для штурма Перекопа. Всё равно вскоре после взятия Крыма командование Красной армией издало приказ о передислокации махновцев на Южный Кавказ. Махно отказался подчиниться, считая этот приказ ловушкой. Соответственно, большевики начали операцию по «ликвидации партизанщины». То есть Махно всё равно не уживётся с ними.

– А если уживётся?

Эта фраза Саши вынудила Сергея остановиться. От неожиданности он даже на какое-то мгновение растерялся, не зная, что ответить брату. Потом всё же спросил:

– То есть ты хочешь сказать, что...

– Да, Серёга, если Махно договорится с белыми, с Деникиным, и одновременно не станет служить красным, не будет для них пушечным мясом, то Добровольческая армия сможет взять Москву. Или, по крайней мере, Деникин с юга, Юденич с северо-запада и Колчак с востока смогут создать для красных реальную угрозу.

– Ты хочешь сказать, что предложение Врангеля летом двадцатого года Махно мог бы и принять?

– Именно! И не только Врангеля. Ему и Шкуро в девятнадцатом предлагал нейтралитет. Смотри, в решающий момент наступления белых на Москву махновцы нанесли удар по тыловым частям и складам боеприпасов вооруженных сил Юга России. В своих воспоминаниях Деникин писал, что это восстание, принявшее такие широкие размеры, расстроило тыл и ослабило фронт белых. И помешало им взять Москву. А ведь белые были под Тулой! В то же время уже осенью тысяча девятьсот девятнадцатого года в условиях, когда белые стали отступать, на Екатеринославщине как раз и зародилась некая автономная анархическая квазиреспублика под управлением Нестора Махно. Причем наступающих красных повстанцы встречали дружелюбно и часто переходили на их сторону. Понимаешь?

Сергей присвистнул.

– То есть на севере – красные, на юге – белые, а посередине – эдакая анархистская республика Гуляй-Поле?

– Ну, мне кажется, лучше махновское Гуляй-Поле, нежели украинское Дикое Поле, правда же?

– И что ты, Саша, предлагаешь?

Сергей вновь дёрнул уздечкой и тронул лошадь. Александр, продолжая идти рядом, задумался. Потом всё же ответил:

– Я предлагаю, используя наши знания истории, ну, той, которая произошла в нашем времени (мы ведь так и не знаем, наше это время или параллельное)... Так вот, надо помочь батюшке Махно пропетлять между красными и белыми. Я уверен, если бы он заключил союз с Деникиным и Врангелем, то «Остров Крым» Аксёнова стал бы реальностью. И раз мы здесь застряли, то почему бы не попробовать?

Сергей остановился, спрыгнул с лошади и показал Александру, что место свободно.

– Давай, лихой кавалерист, закрепляй навыки. Проедься немного. А я ноги разомну.

Пока Саша залезал на лошадь, Сергей продолжил разговор:

– Что касается твоего предложения, то я согласен: надо что-то делать. Ведь после тюрьмы мы с тобой весь коллектор обшарили, все ходы осмотрели – но не вернулись обратно... Понятно, что выкинуло нас сюда во время взрыва, но теперь взрывай там хоть ящик динамита, результата не будет. Мы же «лимонку» рванули, а толку? Так что назад нам пока хода нет. А что касается того, наша это реальность или нет, вот давай и проверим. Как идея – неплохо, надо только понять, как мы её сможем реализовать.

Александр, уже сидя на коне, посмотрел на брата недоумевающе.

– Что значит – как?

– Мы с тобой пока что два брата-акробата в бродячем цирке. Где мы, а где Махно? Тем более Деникин и Врангель. А если мы и попадём к ним, что мы скажем? Здравсьте, мы из будущего, сейчас мы вам тут насоветуем?

Сергей хлопнул брата по ноге ладонью и продолжил:

– Тем более что мы с тобой немного расходимся в идеологическом плане. Ты считаешь, что Белое движение было не напрасным, а я считаю, что Добровольческая армия потому потерпела поражение, что не было у белых единой идеологии. Один генерал отстаивал восстановление самодержавия, другой был за Учредительное собрание, третий топил за либеральные идеи. Колчак вон вообще бредил диктатурой. А у большевиков была идеология – всеобщее равенство и братство.

Саша возмутился.

– У Махно тоже была идеология. Крестьяне за него горой стояли. Вспомни, как на одном из съездов, кажется, весной этого года, исполком Военно-революционного совета Гуляйпольского района ответил на претензии Дыбенко? «...Если большевистская идея будет иметь успех,

то военно-революционный совет, с точки зрения большевиков, организация явно контрреволюционная, заменится другой, более революционной большевистской организацией. А пока мест не мешайте нам, не насилуйте нас». Идея Махно об организации анархистской республики снизу доверху через выборность работала! И пока махновцы били то красных, то белых, хлеб крестьяне убирали исправно. Даже голодающему Питеру отсылали, если ты помнишь!

Сергей примирительно махнул рукой:

– Да помню я, помню. То есть ты считаешь, что белые в состоянии создать такую Новороссию?

– Не просто в состоянии – они вынуждены будут это сделать. Махно – это как раз та соломинка, которая сломала белым хребет. Деникин не сможет окончательно победить Красную армию, тем более имея в тылу Махно. И большевики не могут окончательно задавить белых, к тому же у них постоянно возникают различные восстания. Вспомни, то восстание рабочих в Ижевске, то мятеж левых эсеров, то Кронштадт, то Антонов на Тамбовщине, не говоря уже о нынешнем мятеже Григорьева. Так что, думаю, наш эксперимент по коррекции реальности приведет к созданию разных форм государственности... – Саша снял с себя рубаху и подставил солнцу спину.

Сергей немного помолчал и потом внезапно спросил:

– Слушай, брат, а может, нам с тобой разделиться?

Саша опешил:

– Как это – разделиться?

– Да очень просто. Ты пойдёшь к белым, будешь с ними пытаться договориться, вступишься к ним, авось, попадёшь к Деникину. Там сейчас офицерские полки ещё есть, отношения пока ещё между офицерами дружеские, опять же – Ледяной поход, все дела. Зарекомендуешь себя, расскажешь им о будущем, о планах операций, которые Деникин только планирует, а потом продвнешься. С твоими-то знаниями. В общем, твоя задача – стать адъютантом у Деникина. Или позже – у Врангеля. Они, кстати, терпеть друг друга не могли, так что и это сработало в нашем времени против белых. Фанаберии генералов помогли, мать их... А я попробую с батькой Махно поговорить. Вспомни Толстого, «Хождение по мукам».

– Ну, то книга, вымысел...

– Но Толстой ведь почему-то именно этот случай с Роциным описал, когда красные убеждали Махно воевать с ними против белых. А мы сейчас на махновской территории, так что всё может получиться. В общем, план в целом принимается, надо позже ещё раз обдумать все детали. Так, поехали к фургону, вон, Клаус нам машет...

Глава седьмая. Плен

Выступление цирка Буша в Царичанке произвело на селян необычайное впечатление. Вначале, конечно, публику разогрела жена Клауса Анна, которая жонглировала мячиками и кольцами. Потом Яков Каплан показывал карточные фокусы. Он просил кого-нибудь из зрителей запомнить карту, а когда тот говорил, что запомнил, то тасовал колоду и показывал карту, которую якобы запомнил вызванный им из толпы мужик. На самом деле это была классическая подсадка, и с этим мужиком хитрый Яша договаривался ещё до выступления. Но вот фокусы с предметами Каплан отрабатывал без шельмовства и исправно доставал у зрителей то цветные платки, то куриные яйца.

А потом наступил звёздный час братьев Юрьевских. Поскольку они были близнецами, то и выступали в паре, как сказал Клаус, «для пущего антуражу». Вначале Сергей показал комплекс ушу в стиле «длинный кулак». Каскад высоких прыжков, акробатических элементов, ударов руками и ногами очень понравился зрителям. Кстати, именно поэтому дочка Клауса Марта, которая раньше показывала простенькие гимнастические этюды, не выступала со своим номером, а работала ассистенткой Сергея. В следующем номере тот принял из рук Марты якобы бутылку водки, выпил немного и сделал вид, что захмелел. И тут же начал показывать таолу в стиле «пьяный кулак».

Якобы пьяный Сергей шаткой походкой, спотыкаясь, ходил зигзагами, казалось, он вот-вот упадёт. И, прогибаясь назад, почти становясь на мостик, всё же упал. Но, перевернувшись через голову назад, он встал, показав, что снова выпивает. Потом его как бы понесло в потере равновесия по какой-то кривой. И вдруг – раз – он, высоко выпрыгнув в воздух и провернувшись там на 360 градусов, нанёс удар ногой. Потом, снова высоко выпрыгнув, закрутившись, как веретено, рухнул на землю. Пытаясь встать, еле приподнялся и вдруг, сложившись пополам, резко вытолкнул себя ногами, и вот он уже встал в полный рост. И снова внезапно каскад трюков: фляк, потом сальто вперёд и назад, высокие прыжки с проворотами в воздухе, удары ногами и руками. Все прыжки, сальто и фляки, в которых Сергей продолжал изображать пьяного, были восторженно встречены публикой.

После на арену вышел его брат Александр. Теперь уже Сергей являлся ассистентом, поскольку Саша показывал номер с метанием ножей. Один брат становился к дереву, а второй метал в него ножи. Вернее, не в него – ножи вонзались в дерево рядом с телом Сергея. Когда парень отошёл в сторону, на стволе дуба остался его силуэт.

Но коронный номер заключался в том, что Сергей ставил себе на голову яблоко, а Александр метал в это яблоко нож. Причём нож не просто попадал в яблоко, а рассекал его пополам. Это было довольно сложно сделать, следовало так закрутить клинок, чтобы он не вонзался в яблоко, а срезал его. Именно этот эффект Александру пришлось долго и упорно тренировать, потому что метание ножа – это одно, там достаточно иметь глазомер, твёрдую руку и опыт. В случае с закручиванием клинка нужно было ещё и точно всё рассчитать. И, конечно же, важно было не задеть брата.

Кульминацией стало выступление хозяина цирка Клауса Буша. Но когда борец вышел на арену, в которую превратилась сельская площадь, внезапно раздались топот лошадей, свист, прозвучали выстрелы, и на площадь выскочила группа всадников. Одеты они были кто во что горазд – свитки, рубахи, гимнастёрки, черкески, кавалерийские галифе, казацкие шаровары с лампасами. Во главе этой кавалькады скакал совершенно живописный кавалерист. Его конь был украшен лентами, цветами и жемчужными ожерельями на копытах. Сам он был в гусарском ментике, красных галифе, щёгольских хромовых сапогах под колено, а на голове его каким-то чудом держалась матросская бескозырка. Чудом – потому что у этого гусара-матроса была очень буйная шевелюра. На груди у кавалериста красовался богато отделанный кинжал.

Всадники спешили, и их предводитель подошёл к толпе, которая собралась на цирковое представление. Впрочем, толпа расступилась перед ним и стала как-то быстро редеть. Прокатился ропот:

– Щусь... Атаман Щусь... Махновцы...

Несмотря на то что население Екатеринославской губернии очень хорошо относилось к махновцам и снабжало их продуктами, фуражом, лошадьми, а иногда селяне даже присоединялись к отрядам батьки Махно, тем не менее далеко не все жаждали встречи с удалыми казачками батьки. Один из его атаманов, Феодосий Щусь, лишь недавно присоединился к Нестору Махно и часто действовал самостоятельно. К тому же красавец и щёголь Щусь был очень падок на женский пол, и слава об этом давно уже обошла всю губернию. Так что часть женщин немедленно стала покидать площадь – как говорится, от греха подальше.

Сергей и Александр стояли возле фургона, когда атаман Щусь подошёл к Клаусу Бушу.

– С такой причёской этот батька – вылитый хиппи, – вполголоса сказал Сергей своему брату.

– Скорее, он на панка тянет, ты посмотри на его прикид, – также вполголоса ответил ему Александр.

В это время Щусь с интересом разглядывал циркачей.

– Ты кто таков? – спросил он у Клауса. – Что вы тут показываете? Что за цирк?

– Я – Клаус Буш, цирковой борец, хозяин цирка, вот моя семья – жена и дочь.

– А те два хлопца – тоже твоя семья? – атаман указал плетью в сторону братьев.

– Нет, эти к нам прибились недавно, из Екатеринослава шли.

– Что показываешь? Какие номера? Я желаю посмотреть. – Щусь кивнул одному из своих людей, тот метнулся куда-то и через минуту притащил для атамана табуретку. Тот сел на неё, опершись на свою саблю. – Давай, показывай!

– Но, позвольте, мы уже закончили, остался только мой номер, я обычно вызываю из публики желающих побороться.

Щусь тут же вскочил и заорал:

– О, борьба! Французская? Давай со мной! – И стал расстёгивать свой гусарский мундир.

Через минуту он был в одной рубаше и галифе. Свои щёгольские сапоги атаман тоже снял, оставшись босиком. Он сделал несколько разминочных движений, пару раз присел, покрутил головой. Было видно, что махновец разбирается в борьбе. Да и телосложением Щусь, пожалуй, не уступал Бушу – он был таким же высоким, крепко сбитым, а через рубашу были видны его мускулистый торс и массивные плечи.

– Этот Щусь, когда на флоте служил, был чемпионом по боксу и по французской борьбе. Причём он хорошо знает джиу-джитсу. Опасный тип, – пробормотал Александр.

– Да и вообще он один из самых неуравновешенных у Махно был. Батька, кажется, его лично застрелит через два года, – ответил ему Сергей.

– Нет, это легенда, никто из современников Махно этого не подтвердил. Щусь погибнет в бою с красными, – возразил брату Александр.

Тем временем толпа селян, которые остались досмотреть представление, стала подбадривать Клауса Буша. Но часть из них болела за атамана. Двое соперников стали в центре круга, образованного людьми, и приготовились к схватке. Внезапно Щусь молниеносно бросился вперёд и совершил классический проход в ноги. Клаус не ожидал такого приёма, ведь в арсенале французской борьбы нет техники захвата ног, борьба ведётся без подножек и подсечек, только выше пояса. Поэтому циркач свалился как подкошенный. А атаман тут же захватил ногу Буша и провёл болевой приём на ахилл. Клаус вскрикнул, и Щусь, отпустив ногу соперника, довольный вскочил и стал отряхиваться.

– Добре, батьку!

– Молодец!

– Гарно посадив на сраку циркача, га-га-га!

В основном ликовали махновцы, хотя и некоторые селяне гоготали, взявшись за бока. Другие просто стали расходиться, понимая, что представление окончено. На Анну, которая попыталась традиционно совершить обход публики со шляпой в руках, никто внимания не обращал. Зато обратил внимание сам атаман. Он уже успел снова надеть свой гусарский мундир, который снял на время схватки.

– Постой, красавица, куда торопишься? – Щусь схватил женщину за руку.

– Никуда я не тороплюсь. Вы нам представление сорвали, я хочу хоть какой-то гонорар собрать, а вы мешаете.

Щусь усмехнулся:

– Я тебе, барышня, такой гонорар сейчас выпишу – вам надолго хватит. А ну, хлопцы, шо у нас там есть? Скидывайте сюда!

Махновцы все как один стали подходить к Анне и доставать из своих шароваров, из карманов френчей мятые купюры разного достоинства и разных номиналов. Здесь были и керенки, и царские рубли, и украинские гривны, марки, карбованцы, даже деникинские и австрийские деньги.

– Вот, красавица, тебе гонорар. Щусь ценит искусство. Тем более я бы и сам, если бы не пошёл в революцию, не отказался бы стать циркачом... – Атаман подкрутил свои усики. – Отобедаешь со мной, барышня?

Анна нахмурилась.

– Я не барышня, я замужняя женщина, вот мой муж, Клаус.

Щусь рассмеялся.

– Так я ж не замуж зову, а только отобедать. К тому же мужа твоего я победил в честном бою.

– Какой же это честный бой? Ты, атаман, джиу-джитсу владеешь и болевой сделал, а Клаус боролся по правилам французской борьбы.

Эта реплика, которая прозвучала как бы из ниоткуда, взбесила атамана.

– Кто это там голос подал? – Щусь обернулся вокруг.

Сергей отошел от циркового фургона и вышел в центр площади, которая к этому времени уже почти опустела.

– Если уж по-честному, то Клаус тебя, атаман, за минуты бы на лопатки положил. А ты в ноги прошёл. Это нарушение.

– Ты кто таков? Китаец, что ли? По морде не скажешь, вроде наш. Откуда ты такой дерзкий взялся? – Щусь подошёл к Сергею и положил руку ему на плечо.

– Я выступаю в этом цирке, а одежда – это мой цирковой костюм. Я показываю китайскую гимнастику, делаю акробатические трюки.

– А ты знаешь, акробат, шо атаману Щусю перечить нельзя? Меня сам Махно слушает. Сказал Щусь – отобедает со мной, значит, отобедает!

– А если женщина не хочет, ты её силком потащишь? – насмешливо спросил Сергей.

– Шо значит «не хочет»? Да я вот пальцами щёлкну – полсела баб ко мне на коленях приползёт! – засмеялся атаман.

Внезапно за спиной Щуся вырос мрачный Клаус Буш.

– Ты, атаман, у себя вон своими казачками командуй. Мы – люди вольные, куда хотим – туда идем. А моя жена будет обедать со мной, – сказал циркач, развернув своей ручищей к себе Щуся.

Тот, ни слова не говоря, выхватил кинжал, который висел у него на груди, и полоснул Клауса по руке. Анна от неожиданности вскрикнула и выпустила из рук шапку, доверху наполненную деньгами. Щусь вытер кинжал о свои красные галифе и вложил его в ножны. Потом не торопясь достал из деревянной кобуры маузер, но не успел им воспользоваться – Сергей,

который всё это время стоял рядом, молниеносно провёл приём на кисть руки атамана, и тот присел, скорчившись от боли. Маузер оказался в руках Сергея.

– Атаман, не надо безобразничать, – выкрикнул парень, наставив маузер на кинувшихся было к нему махновцев. – Вы же защитники трудового селянства, а не бандиты какие-то. Какая слава пойдёт о вас гулять по сёлам? Нестор Иванович будет недоволен.

Щусь, кривясь поднялся, подошёл к Сергею и протянул к нему ладонь.

– Ты, паря, отдай машинку, неча тут баловаться.

Сергей пожал плечами и протянул маузер атаману. Тот взял оружие, вложил его в кобуру, а потом внезапно, схватив юношу за руку, провёл болевой приём, завернув руку Сергея ему за спину. Но тот не растерялся, тут же сделал сальто вперёд и резко присел. Щусь покачнулся, но равновесие не потерял.

– Так, хлопцы, а ну вяжите этого акробата, – заорал атаман.

Махновцы бросились на Сергея, но в этот момент рядом с ним оказался Александр, и через несколько секунд половина людей атамана Щуся уже валялись на земле, охая и постанывая – братья обрушили на нападавших град ударов руками и ногами. И тогда махновцы вытащили сабли.

– Ежели щас сами не сдадитесь, порубаем к чёртовой матери, – процедил Щусь.

Братья переглянулись.

– Ладно, Серёга, против сабель никакое карате и ушу не помогут. Пусть вяжут, провёмся.

Саша демонстративно сплюнул в сторону Щуся и протянул руки вперёд.

– Ну что, атаман, ваша взяла. Только ты тут беспредел устроил. Нестор Иванович будет недоволен.

Щусь хохотнул.

– А шо мне Нестор? Я сам себе атаман. Он о тебе, хлопец, даже не услышит. Посидите пока в холодной у меня, охолоните. Так, братва, давайте этих акробатов на тачанку – и гайда ко мне в штаб.

– А куда их, атаман? – спросил один из махновцев.

– А до той калекции, шо у меня в погребе вжэ сыдыть. Хай и эти посидят.

Щусь вскочил на своего щёгольского коня, связанных братьев кинули в тачанку, и махновцы умчались. На площади остались только цирковая повозка, Клаус Буш, которому Анна бинтовала порезанную руку, их дочь Марта и сиротливо валявшаяся на земле шляпа с мятыми деньгами, которые потихоньку разносил по площади ветер...

Глава восьмая. Господа товарищи

Дверь в погреб отворилась, и Сергея больно двинули в спину прикладом винтовки. Он полетел вниз и упал на чьи-то тела. Вернее, не упал – его как бы приняли на руки какие-то люди, смягчив удар падения. Следом на него свалился Сашка.

– Кто здесь? – спросил Сергей.

Темнота ему ответила:

– Ротмистр Ростовцев.

– Юнкер Нечволодов.

– Подполковник Молчанов.

Потом темнота помолчала и снова ответила:

– Командир Красной армии Мамочкин.

– Командир Красной армии Васильев.

Александр ощупал карманы и вытащил из своих казацких шаровар выменянную им на рынке бензиновую зажигалку. Он щёлкнул колесиком, и в его руке загорелся слабый огонёк. В одном углу погреба лежали три белогвардейца – это было понятно по их гимнастёркам с погонами. В другом углу сидел на корточках молодой парень в солдатских галифе, босой, гимнастёрку свою он держал в руках. Возле него лежал другой красноармеец. На его голове был бинт, также у него были перевязаны кисть и предплечье левой руки. Видимо, его товарищ пытался разорвать свою гимнастёрку и сделать раненому перевязку.

Саша погасил зажигалку.

– Ну, а мы Александр и Сергей Юрьевские, цирковые артисты.

Темнота спросила:

– Вы из каких же будете? Из барчуков поди?

Судя по вопросу, его задал один из тех, кто представился красным командиром. Сергей ответил:

– Если говорить о происхождении нашем, то да, мы из дворян. Но сейчас это не имеет значения, потому что ваш вождь, товарищи, Владимир Ульянов-Ленин, тоже дворянин.

Его невидимый собеседник закашлялся, потом с натугой ответил:

– Дать бы тебе за Ленина по сопатке, барчук, да раны мешают. Ленин – вождь мирового пролетариата!

Сергей рассмеялся.

– Ну и что с того? Вон, вождь анархистов Кропоткин – так вообще князь. Среди большевиков есть и другие из дворянского сословия – Дзержинский, Куйбышев, Орджоникидзе. Так что дело не в происхождении, товарищ красный командир, дело в человеке.

– Да что вы, право, молодой человек, с красными полемику ведёте, – отозвался из темноты другой мужской голос. – У них же диктатура пролетариата, они считают, что только они имеют право решать, кому в России жить. А дворян они под нож пускают...

– И правильно пускаем, – возразил ему кашлявший. – Вы сколько из народа кровушки попили? И вместе со своим царём страну немцам продали.

– Нет, милейший, это вы со своим Лениным Россию немцам продали. Кто позорный Брестский мир подписал? Кто объявил, что Россия должны проиграть немцам войну?

Сергей понял, что сейчас полемика превратится в потасовку. Но тут подал голос его брат:

– Так, стоп, брек! У каждого из нас своя точка зрения. Но сейчас мы – пленные, причём пленные у бандитов. Вы, господа офицеры, и вы, товарищи, мы здесь все равны. Вместе нас расстреляют. Так что давайте прекратим идиотский спор.

Саша немного помолчал и потом продолжил:

– Нас точно расстреляют. Вас, господа офицеры, потому что Махно с Деникиным воюет. А вас, товарищи красные командиры, за то, что Махно рассорился с красными. Ну а нас – просто так, за компанию. Тем более что этот атаман Щусь немного малахольный.

– Или много, – поддакнул брату Сергей. – Что ты предлагаешь?

Саша улыбнулся, хотя в темноте это не было заметно.

– Когда нас вели, я заметил, что возле сарая, в котором наш погреб, стоит тачанка с пулемётом. Если мы здесь устроим пожар, нас по-любому вытащат. Мы шум поднимем, погреб точно откроют, а там мы караульных раскидаем – и во двор. На тачанке вырвемся из села, а с пулемётом нам никакая конница не страшна – уйдём. Тем более махновцам белые на пятки наступают, фронт совсем рядом. Не будут они за нами сильно гнаться, побоятся наскочить на разъезды Добровольческой армии.

– Нам с вами не по пути, – раздался из темноты характерный хриплый голос. – Нас с Мамочкиным беляки враз к стенке поставят. К тому же я раненый, куда мне бежать?

– Вася, я тебя не брошу, – это поддержал товарища Мамочкин.

– Да ладно вам, товарищи краснопёрые. Слово офицера, вас никто не тронет. Отпустим. В одном погребе всё же сидели, – перебил его спокойный насмешливый голос.

– Ротмистр Ростовцев, вы здесь не один. Пусть говорит старший по званию. Правильно, господин подполковник?

Это, видимо, вклинился в беседу юнкер. Голосок у него был какой-то звонкий, совсем мальчишеский.

– Ничего, юнкер, ничего, ротмистр прав. Мы всё же как-никак товарищи... Товарищи по несчастью то есть, – ответил подполковник Молчанов.

– Вот уж не думал, не гадал, что товарищем стану, – пробурчал Ростовцев.

Молчанов продолжил:

– Бежать надо однозначно. Этот юноша прав – нас точно пустят в расход. Поэтому предлагаю распределить роли. Кто его знает, заправлен ли пулемёт, есть ли там ленты с патронами? То есть вы, ротмистр, отвечаете за боеприпасы. Я – сразу за пулемёт. Вы, юнкер, вторым номером, подаёте ленту. Вы, товарищи большевики, сможете самостоятельно влезть на тачанку?

– Значит, вы будете воевать, а мы только прокатимся с ветерком? Так не пойдёт...

Видимо, это Мамочкин откликнулся.

– Вы, товарищ большевик, о своём товарище раненом позаботьтесь. Он сам не сможет даже идти.

– Идти я смогу, господин беляк, за меня не беспокойтесь. Пусть Мамочкин прикроет вас, винтовку у конвоира заберёт, и пока вы с пулемётом разбираться станете, Петро нескольких бандитов запросто положит.

– Мы с братом тоже стрелять умеем. Так что поддержим вас, – встрял Сергей. – Если бы пару гранат раздобыть, вообще было бы хорошо. Главное, со двора выехать, это крайняя хата, там сразу на дорогу вырвемся – и дальше в степь.

Саша снова щёлкнул зажигалкой. Тусклый свет выхватил из темноты лица всех говоривших. Юнкер Нечволодов сидел рядом с ротмистром и что-то ему шептал. Ротмистр улыбнулся.

– Юнкер дело говорит. Всем нам тесновато в тачанке будет.

– Там рядом ещё осёдланные лошади стояли. Видимо, постояльцев этой хаты. Я видел, когда нас заводили, – ответил Саша.

– Ты же, братец, на лошади с трудом сидишь, – хохотнул Сергей. – Я сяду на лошадь, а Сашку возьмите к себе, господа-товарищи.

– Всё равно многовато. Кони быстро устанут, да и шестеро на этой бричке – перебор.

– Я тоже буду на коне, – откликнулся ротмистр. – Да мне так и сподручнее.

Подполковник Молчанов подвёл итог:

– Итак, диспозиция ясна. Я и юнкер Нечволодов – на пулемёт. Ротмистр подносит патроны – и на лошадь вместе с вами, молодой человек, пока товарищ большевик нас прикрывает. Ну и вы тоже с нами на тачанку, – он взглянул на Александра. – Ваш брат с ротмистром выезжают со двора. Если всё спокойно, даёте нам отмашку. Мы выдвигаемся вслед за вами – и сразу в степь. Само собой, за это время вы, товарищ... Как вас?..

– Васильев моя фамилия, Василий Васильев, – отозвался раненый.

– Так вот, товарищ Васильев, у вас будет от силы пара минут. Успеете?

– Да чего уж там, дошкандыбаю, – улыбнулся Васильев.

– Ну, тогда надо подготовиться к пожару. Только вы, юноша, не усердствуйте сильно уж, а то вы нас живьём здесь сожжёте. Надо изобразить только видимость пожара, не более.

Саша усмехнулся.

– Я всё понимаю, господа-товарищи. Вы это, приготовьтесь. Перевяжите раненого, вы, юнкер, сапоги обуйте, а то мало ли... Когда будете готовы все, дайте знать. Я пока свет потушу. А потом станем понемногу жечь солому, она дым даст. Ну и начнём сабантуй.

Он погасил зажигалку.

– Что начнём? – переспросил кто-то в темноте.

– Сабантуй. Это у татар праздник такой, – пояснил Саша.

– Кстати, вы, молодой человек, сказали, что вы – из дворянского сословия. Где-то я слышал вашу фамилию. Как вы сказали? Юрьевские?

Судя по голосу, это был подполковник.

– Да, а что? – вопросом на вопрос ответил Александр.

– Да ничего. Просто это известная фамилия. Екатерина Александровна Юрьевская часом не ваша родственница?

– Давайте сейчас обойдёмся без генеалогического древа, господин штабс-капитан. Не важно, тем более сейчас, какие у нас родственники. Если не выберемся отсюда, то мы все породнимся. В могиле, – мрачно пошутил Саша.

– Да нет, я просто спросил. Юрьевские – известный дворянский род. И, насколько я знаю, у Екатерины Александровны двое сыновей как раз вашего возраста. Только она после большевистского переворота в Петрограде уехала за границу. Вот я и удивился, услышав вашу фамилию...

– Ничего, если останемся живы, у нас ещё будет повод об этом поговорить, – вмешался Сергей. – Ну что, все готовы?

– Да... да... готовы... – раздались из темноты голоса пленников.

– Тогда будем начинать. Саня, жги!

Александр щёлкнул зажигалкой и поджёг пучок сена. Каждый тоже взял себе по пучку, после чего подожгли их от Сашиного импровизированного факела. Подвал начал заполняться дымом, стало трудно дышать.

– Стоп, так мы задохнёмся. Дайте мне ваши прометеевы факела, я их поднесу ближе к щелям погреба. – Саша вовремя спохватился и быстро отобрал у всех горящую солому, поднес её прямо к крышке погреба. – Всё, создаём шум, кричим.

– Пожар! Горим! Помогите! Ради бога, откройте нас! – наперебой закричали пленники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.